

Чёрная Пустошь

Автор:

Андрей Ливадный

Черная Пустошь

Андрей Львович Ливадный

Зона Смерти #2

Тишина в Пятизонье обманчива. Да и редко здесь бывает тихо. Когда внутри бесчисленные орды киборгов, а снаружи маньяки-ученые, ради «высших интересов» поставившие мир на грань катастрофы, кому придет в голову ждать тишины? А тут еще механоидам и скоргам стало тесно в границах отчужденных пространств. И важные шишки по ту сторону Барьера вознамерились расправиться с Черной Пустошью одним ударом. Титанической силы взрывы объемных зарядов уничтожали не только чудовищные порождения техноса, но и обитающих среди них людей. А что остается людям? Людям остается только выживать любой ценой. Впрочем, опытным сталкерам Аскету и Титановой Лозе не привыкать. Ведь недаром они помечены загадочной татуировкой D.R.G.!

Андрей Ливадный

Черная Пустошь

Пролог

10 ноября 2056 года...

Мятущийся свет костерка бросал блики на опаленные, иззубренные кирпичные стены руин.

Тьма гнездилась в углах и закоулках каменного мешка. Отличительные черты старой питерской застройки – похожие на колодцы тесные дворики, множество арок, проходные подъезды – проглядывали и в руинах. Большинство ультрасовременных зданий не пережили удара взрывной волны, пронесшейся через город во время катастрофического образования Барьера в сентябре 2051 года, а вот немногие сохранившиеся памятники архитектуры выстояли.

Стены смыкались, тянулись ввысь обвалами этажей, яркие звезды сияли на невообразимой высоте, глазницы оконных проемов сочлились мраком, искорка костра трепетала, то разгораясь, то угасая, пожирая чудом сохранившиеся остатки изломанной мебели.

Языки пламени выхватывали из сумрака худые лица троих подростков.

– ...Тогда я и говорю Монголу: потащили его к торговцу! – рассказывал один из пацанов.

– Да ну, врешь! – не поверил второй. – Ты, Славка, особо-то не завирайся! Кто же не знает: кого скорги инфицировали, считай, что покойник!

– Так и мы поначалу думали, что мертвяк! – Славка-Сухостой обернулся к товарищу. – Ты чего молчишь, Монгол?!

Третий из подростков, широкоплечий, скуластый, протянул руки к огню, согревая озябшие пальцы. Древний автомат Калашникова, из которого, по словам Славки, Монгол едва не завалил «Перекасти-зону», [1 - «Перекасти-зона» – видоизменившийся в условиях аномальных пространств робот-охранник.] лежал рядом. Переводчик огня был снят с предохранителя и передвинут в крайнее нижнее положение.

– Ну да, – нехотя отозвался он. – Нашли сталкера, притащили к Упырю. Только зря мучились. – Он сплюнул. – Ничего нам торговец не дал за его экипировку. Нарвались на неприятности, да еще Приор как назло пожаловал...

– Ага. – Славка-Сухостой обрадовался поддержке. – Он, как того сталкера увидел, так сразу с лица изменился. Идите, сказал, отроки сердобольные, благое дело сделали.

– Ну, если дело хорошее сделали, дал он вам что-нибудь? – с наигранным равнодушием осведомился Мерзляк. Был он худ и невысок, вечно натягивал на себя по два свитера, за что и получил прозвище. На самом деле Федьку мучила сейчас черная зависть. Слух о странном сталкере, найденном Монголом и Сухостоем, разошелся быстро. Мерзляк, сам ни разу не видевший Приора, считал его фигурой едва ли не мистической. В любом случае Орден Сталкеров не забывал о тех, кто хоть раз оказал посильную помощь кому-нибудь из его членов. Значит, Славке и Монголу будет теперь везение. Может, их в Пятизоне позовут и в Ордене имплантируют, в послушники примут?

Мечта стать сталкером жила в иззябших душах всех подростков, обитающих на руинах второго по величине мегаполиса страны. Здесь после Катастрофы пятьдесят первого года, вызвавшей чудовищные разрушения, восстановительные работы так и не начались – сказывалась близость Барьера, отгородившего территорию Соснового Бора от остального мира сферической аномалией гравитационного искажения. Боялись повторения Катастрофы, нового удара, способного, как показала практика, смести все сооружения в радиусе нескольких сотен километров от эпицентра.

Жизнь на руинах мегаполиса давалась трудно, но шестнадцатилетние пацаны, в один день лишившиеся всего, вкусившие ужас утрат, на полную катушку познавшие безысходность роковых сентябрьских дней, на попечении государства не уживались. Их, как магнитом, тянуло назад, и они возвращались, сбегая из детских домов и интернатов, обратно в руины, где каждый метр темных улиц был пропитан вязкой враждебной мглой.

Многие погибли. Еще большее количество ребят сбилось в стаи, выживая, кто как может.

Больше других повезло детям метростроевцев. Славка и Монгол как раз относились к ним, питерцам, чьи родители когда-то работали на строительстве новых веток метрополитена, призванных связать центр растущего мегаполиса с окраинами, поглотившими далекие города-спутники, такие, к примеру, как Сосновый Бор. С самого детства они были знакомы с подземкой, и теперь их знание некоторых тоннелей, помноженное на бесшабашность юности, дало им

неожиданный способ к выживанию – питерцы зарабатывали на жизнь, доставляя подземными путями грузы, служа проводниками для тех, кто стремился попасть в Пятизоне. Под землей, по тоннелям и примыкающим к ним трещинам земной коры, образовавшимся в результате тектонических сдвигов, они проникали в отчужденные пространства, минуя заслоны военных, охраняющих периметр Барьера. Немудрено, что каждый из подростков мечтал стать настоящим сталкером.

Они уже вкусили яд Пятизонья. Ощущение смертельной, запредельной для человека опасности, которой они подвергались каждый раз, пересекая зону повышенной гравитации Барьера, подставляясь под пули военных патрулей, а затем жестоко рискуя в границах аномальных пространств, оставляло неизгладимый след, необратимо влияло на психику. Будни, вне вылазок в Пятизоне, уже казались серыми, безрадостными, – явления, происходящие там, нагоняли ужас и одновременно манили обещанием неизведанного.

– Ну, так что со сталкером-то? – Мерзляк подкинул в костер пару сломанных ножек от стула. Угли взвихрились искрами, пламя нехотя облизнуло подачку, отдавая драгоценное тепло.

– Пропал он, – со знанием дела произнес Сухостой. – Говорят, Генрих Хистер, лидер Ковчег, ну, этих, зеленых, что в бункерах Академгородка в Новосибирской зоне отчуждения обосновались, награду за его голову объявил. Видать, сталкер был действительно непростой. Только никто его отыскать не смог. Там такое было!..

– Да уж, – кивнул Мерзляк. – Мне говорил один парень, что в Сосновом Бору Ковчег против вольных сталкеров и Ордена бился. Да только их всех военные с вертолетов накрыли.

– Брешет твой знакомый! – насупился Славка. – Там исчадия техноса всех разогнали. Зуб даю! Нас за Барьер Крамор не пустил. Говорит, нельзя сейчас туда. Да и здание, где бункер Упыря был, с землей сровняли. А «вертушками», что Сосновый Бор проутюжили, вообще сталтеху управляли!

– Нежить?! – Мерзляк побледнел.

– А то... – Сухостой принял важный вид. – Тот сталкер, за которым охота началась, весь в ртутных пятнах был, когда мы его с Монголом нашли. Видать, не вышло ничего у Приора, не смог он скоргов обуздать, и превратился сталкер в сталтеха. Вот свои за ним и приходили...

Монгол, не принимавший активного участия в споре, потянулся за автоматом.

– Тихо вы! – шикнул он на пацанов. – Костер прикройте! Есть там кто-то! – Он указал стволом в направлении, где почудился шорох.

Костерок тут же исчез, сноровисто спрятанный под старым ржавым ведром. Вязкая тьма навалилась со всех сторон, лишь звезды продолжали холодно мерцать в угольно-черном небе, да где-то далеко бледными сполохами металась отсветы какой-то стычки.

Морозный воздух отчетливо передавал звуки. Вот что-то скрипнуло под неосторожно поставленной ногой, затем торопливые шаги прошуршали по усыпанному битым стеклом бетону, звякнули чем-то, остановились.

Монгол, не склонный к переговорам по складу своего молчаливого, но решительного характера, уже изготавился дать очередь на звук, как вдруг из руин раздался сиплый, простуженный голос:

– Ты, пацан, со стволом-то поосторожнее. А то всех клиентов перебьешь.

Монгол оружия не опустил. Продолжал целиться в темноту, предоставляя вести диалог своему более разговорчивому напарнику.

– Откуда нам знать, кто ты? – Славка быстро сориентировался в ситуации, достав из кармана «эфку». Оборонительная граната – лучший аргумент в стычке, происходящей среди руин.

– Да погодите вы оружием бряцать! – Незнакомец каким-то образом заметил появление гранаты. – Я же поговорить пришел.

– А вот к Крамору отправляйся, с ним и поговоришь. Скажет он через Барьер тебя вести, проведем. А к нам не лезь. Понял?

– Понять-то понял... – Незнакомец неожиданно выступил из мрака. Был он худ, одет неброско, по-походному, лицо казалось нездоровым, землистым. Нос с горбинкой, волосы с проседью, глаза серые, холодные. Губы сжаты в тонкую линию. Говорит, как сплевывает.

– Я же сказал – к старшему иди! – грозно прикрикнул на него Сухостой.

– Ты гранату спрячь, – миролюбиво предложил незнакомец. – А к старшему я всегда успею. Обманывает он вас. За гроши заставляет жизнями рисковать. Сам жиреет, а вас, пацанов, изводит, под удар подставляет. Ты ведро-то сними, а то совсем огонь дымом задохся...

Славка угрюмо промолчал в ответ. Гранату не спрятал, хотя толку от нее в пространстве тесного дворика – никакого. Только себя покалечишь. Раньше надо было бросать...

Слова негаданного визитера задели за живое. Мысли о вселенской несправедливости существующего положения вещей приходили ему в голову и раньше, но делиться ими – себе дороже.

– Ты откуда такой смелый и правильный выискался?

– Это не важно. – Незнакомец сам снял ведро, и огонь, чуть помедлив, встрепенулся, вырвался из дыма, сверкнув веселыми язычками пламени, вновь разогнав тьму. – Зовут меня Олег. Кличут – Шелест.

– Ну, и что тебе нужно?

– Мне бы за Барьер попасть.

– Иди к Крамору, – повторил Сухостой.

– Слышать о вашем Краморе не хочу. – Шелест присел на корточки, демонстрируя миролюбивые намерения, протянул озябшие руки к огню. – Незачем ему знать. И вообще, вам что, деньги не нужны?

– Мутный ты, – насупился Сухостой.

– Ничуть. – Олег улыбнулся. – Я понятный.

– Что же в тебе понятного? – пробурчал Славка, осторожно вставляя в запал предохранительное кольцо. «Надо было сразу кидать, – вновь подумал он, – пока шаги слышались в здании».

– Ну, во-первых, я не прячусь. Во-вторых, пришел без оружия. И, в-третьих, предлагаю вам честную сделку. Вы сегодня не особо заняты, верно? Вот и проведите меня за Барьер. А я заплачу. Валютой. Деньги дам вперед.

У Мерзляка глаза вспыхнули, но промелькнувшая в зрачках искорка тут же угасла, ему-то с этого дела обломится разве что за молчание.

Монгол покосился на него. Автомат не опустил, весь подобрался, как голодный воробей, нахохлившийся на морозе.

– Не выйдет ничего. – Славка вздохнул, теперь уже разочарованно. Заработать хотелось. Но мимо внимания Крамора не проскочишь. Экипировка ведь у него хранится. А без снаряжения за Барьер никто не пойдет. Дураков нет. Вернее, уже не стало. Сначала совались, те, кто посмелее, да теперь сталтехами бродят по Пятизонью...

– Ну почему же так наотрез? – Олег раскурил сигарету, глубоко затянулся.

– Экипировки у нас нет. Крамору мы ее сдаем, – нехотя признался Сухостой. – А без защиты за Барьер никто не пойдет.

– Разумно, – кивнул Олег. – И Крамор ваш хоть и скотина, но не глуп. – Он некоторое время смотрел на огонь, затем произнес: – С экипировкой помогу. Укажите, у кого купить, я все достану. Сколько нужно? Три комплекта?

– Два. – Сухостой быстро сориентировался. – Мы с Монголом вдвоем работаем.

– А как быть с ним? – Олег стрельнул взглядом в сторону Мерзляка, и тот вдруг съежился. – Убьем?

– Ты чего?! – Монгол, конечно, понимал – дело назревает серьезное, да и Мерзляка давно прибить бы надо за длинный язык и вечную зависть, но как-то не по себе вдруг стало.

– Ладно, пошутил. – Олег примирительно усмехнулся. – Мы тебя купим, Мерзляк. С потрохами и языком. Будешь молчать?

– А сколько дашь? – Пацан побледнел, но удержался, не дал деру.

– Не волнуйся. Не обижу. Сейчас договоримся. Значит, так. Ты молчишь как рыба, а вы, – он перевел взгляд с Монгола на Сухостоя, – меня через Барьер своими тропами проведете. За все заплачу десять штук. Плюс оставите себе экипировку.

– С чего ты такой щедрый? – вновь насторожился Славка. Слишком уж подозрительно сорил деньгами этот Олег.

– Дело у меня важное. Нельзя, чтобы слухи пошли. Да и деньги мне больше ни к чему. Я там, за Барьером, останусь.

Славка с Монголом переглянулись.

В их взглядах читалась одна и та же мысль: а разве меньше мы рисковали, пытаюсь завалить «Перекасти-зону» или вытаскивая того сталкера из зарослей металлокустарников?

– Договорились, – неожиданно произнес Монгол. – Проведем.

– Вот это уже мужской разговор. – Олег встал, тщательно затоптал окурок. – За восемь часов управимся?

– За шесть.

– Отлично. – Он отвернулся, делая вид, что поправляет воротник пальто. – А то под пульсацию попадать неохота.

Славка, не уловивший окончания фразы, подумал: померещилось.

Момент пульсации никто не в силах предугадать или знать заранее. Будь ты хоть самым исчадием техноса.

– Пошли, что стоим, – хмуро, по-взрослому обронил он.

Глава 1

Пятизоне. Отчужденные пространства Пустоши.

13 ноября 2056 года

Снег – не снег. Прах – не прах. Липкая скользкая грязь серого цвета, мокнувшая лужами, смерзающаяся комьями. Погода – дрянь. С неба сыплет нудная морось, злой, колючий, порывистый ветер сминает влажные сумерки, пронизывает холодом до костей. Под ногами липкое месиво да смерзшиеся комья глинистой почвы, не успевшие оттаять за день.

Гиблое пространство простирается вокруг. Куда ни глянь – везде царит скупая, лаконичная архитектура техноса. Засеки и городища скоргов выросли в Пустоши за последние месяцы, как в большом мире растут грибы после теплого осеннего дождя.

Митрофан мялся у входа. Сталкеры пошли – одно бычье. Жрут много, а толку мало. И Аскет куда-то запропастился, часа три назад ушел, и ни одной весточки, хотя бы через мью-фон пару слов передал, мол, жив, здоров, так нет, молчит, теперь вот жди его, нервничай...

Вообще, бизнес в последнее время не ладился. Всё скорги проклятые. Понастроили городищ – нормальному сталкеру теперь не пройти. Все в округе заполонили.

«Если Аскет не дойдет, туго мне придется, – мрачно размышлял Митрофан. – Два заказа хоть и выполнил, но три каравана так и не вышли из Выгребной Слободы, все сроки давно минули, а Ковчег такого не прощает...»

Пялиться в мглистую ночь было страшно. Развернувшись, торговец пошел назад, к девятиэтажному фрагменту небоскреба, занесенному в Пустошь еще во время Катастрофы пятьдесят первого.

Через минуту тяжело рыкнула, сдвигаясь по направляющим, толстенная бронированная дверь.

Теперь лишь ветер завывал меж металлических деревьев, оставляя на них тонкую хрупкую корку наледи.

Сталкер по прозвищу Аскет медленно брел в сгустившейся промозглой мгле. Был он худ, но жилист. Его экипировка отличалась рациональной скупостью, с одной стороны, поясняя, почему вольный старатель получил столь необычный позывной, а с другой – наводя на мысль о серьезном психическом отклонении, граничащем с полным презрением к собственной жизни, выраженном в пренебрежении элементарными мерами защиты, которых придерживался каждый нормальный сталкер.

Три тени, облаченные во все черное, беззвучно двигались за ним.

Они не использовали стандартные для отчужденных пространств мью-фоны, общаясь посредством лазерной связи.

– Митрофан совсем с горя двинулся, – заметил один из егерей.

– Ну, а какие у этого варианты? Либо безопасную тропу найдет, либо мы его на свидание с Хистером потащим.

– Да я не о том, – отозвался второй, пробираясь вдоль огрызка стены древней постройки. – Думал бы, кого посылать. На спор: этот доходяга до Выгребной Слободы живым не доберется.

– Заткнитесь оба! За целью внимательнее следите. – Командир группы Дитрих достал очередную электронную вешку, помечая тропу. В такую погоду можно запросто потерять объект, а возвращаться ни с чем или плутать среди жуткой архитектуры техноса – удовольствия нет.

От взгляда по сторонам мороз продирает по коже. Куда подевалась старая, добрая, исхоженная вдоль и поперек Пустошь, с ее ловушками, смертельным пепельным туманом, неисчислимыми бандами вооруженных до зубов сталкеров, отмороженными, больными на всю голову фанатиками Пламенного Креста, боевыми группами Ордена, патрулирующими основные тропы, наемниками, промышлявшими тут по заказу корпораций Внешнего Мира, агрессивными механоидами, защищающими многочисленные энергетические аномалии – все это кануло в прошлое и теперь казалось невинной детской возней в песочнице по сравнению с опасностями новой реальности, возникшей тут за считанные месяцы.

Технос преобразился, совершив очередной эволюционный скачок. Если в других отчужденных пространствах обстановка пока оставалась прежней, то просторы Пустоши радикально изменились, словно здесь теперь расположился некий полигон, испытательная база, а заодно – промышленный центр, откуда новые типы скоргов вскоре начнут свое победное шествие по просторам Пятизонья, сметая жалкие островки цивилизации сталкеров, обращая мир отчужденных Барьерами пространств в технократическую пустыню.

Дитрих дошел до края развалин, взобрался по осыпи и замер.

Вдалеке сквозь мглу пробивалось неравномерное пульсирующее сияние. Там, на руинах Припяти, скорги выстроили свое главное городище. Из десяти разведывательных групп, ходивших к постройке техноса, вернулась лишь одна, да и то не в полном составе.

Большую часть доставленной ею информации лидер Ковчеге Генрих Хистер обнародовать не стал, справедливо сочтя, что правда о событиях, происходящих в Пустоши, вызовет панику, поставит под сомнение основополагающие идеи, на которых базировалась официальная идеология группировки.

Теперь Дитрих вполне понимал Хистера.

О каком возрождении уничтоженной Катастрофой биосферы можно рассуждать, если технос пошел в атаку, за три с небольшим месяца захватив и перекроив на свой лад огромные просторы Пустоши, создав на территории зоны отчуждения десятки укрепленных районов, похожих на зародыши механических городов-муравейников, в состав которых входили индустриальные комплексы, где

мириады эволюционировавших скоргов двадцать четыре часа в сутки трудились, как проклятые, создавая немыслимые исчадия высочайших технологий...

Мысли Дитриха не мешали ему наблюдать за Аскетом.

Сталкер, добровольно вызвавшийся проложить безопасную тропу до местечка Выгребная Слобода, расположенного у границ Барьера, казался ему сумасшедшим. Интересно бы узнать, на каком крючке держит его Митрофан?

«Вряд ли удастся поговорить с ним... – мысленно рассудил Дитрих. – Не дойти Аскету живым. Пусть хотя бы мимо Припяти нас проведет, а дальше уж как-нибудь сами...»

Основная проблема, связанная с нарушениями традиционных караванных троп, ранее проходивших через Пустошь, заключалась в том, что на рынке свободных сталкеров – так называемой «Обочине», расположенной в местечке Выгребная Слобода, застряла партия оружия, экипировки и прочих «товаров первой необходимости», предназначенных для Ковчег – группировки сталкеров, обосновавшихся в бункерах бывшего Академгородка, в Новосибирской зоне отчуждения. Груз был оплачен, доставлен через Барьер, но уже месяц лежал на складах Обочины. Все, в том числе и местные проводники, наотрез отказывались сопровождать караван до зоны тамбура.[2 - Тамбур – на жаргоне сталкеров – аномальное пространство, из которого возможен переход в другой регион Пятизонья.] Митрофан, выступавший посредником между Ковчегом и контрабандистами из Внешнего Мира, в сложившейся ситуации оказался крайним, – Хистеру было проще прижать торговца-одиночку, чем вступать в разборки с крупными поставщиками, что он и сделал, пообещав Митрофану долгую, мучительную смерть, если груз не будет в наикратчайшие сроки доставлен в бункеры Академгородка.

«Здесь каждый выкручивается, как может, – философски подумал Дитрих, наблюдая за продвижением Аскета, который шел уверенно и быстро. – Главное – силы свои не переоценивать. Как говорится, люди предполагают, а Зона располагает... Вот, к примеру, Митрофан вознамерился резко обогатиться, но аномальные пространства преподнесли очередной сюрприз, повернули ситуацию по-своему, и вот сидит теперь Митрофанушка в нечистотах по самую макушку... Попробовал заикнуться про силу неодолимых обстоятельств: мол, кто же знал, что Пустошь вдруг непроходимой станет? Только Хистер быстро поставил умника на место. Зона – она по своей сути и есть форс-мажор в чистом

виде... Природа у нее такая... Каждый вдох, шаг, прожитая секунда – набор неодолимых обстоятельств».

Дитрих не спешил покидать укрытие. На свидание со смертью он не торопился. Вон впереди две решетчатые башни высятся. Явно строения техноса, и кто его знает, для чего они тут выращены?

* * *

Впереди из мглы и обрывков редкого в это время года пепельного тумана проступили очертания двух образчиков новоявленной архитектуры техноса, и Аскет замедлил шаг.

Его облик и на самом деле резко отличался от обличья других сталкеров. Никакой брони с сервоусилителями: он носил обычную одежду из прочной однотонной ткани да легкий кевларовый бронежилет, поверх которого была надета порядком истершаяся, потерявшая защитный цвет разгрузка, на ногах удобная обувь, на лице простейшая дыхательная маска да темные очки, защищающие от резких вспышек во время боя.

Учитывая, что окружающая атмосфера из-за обилия металлорастений, выделяющих ядовитые испарения, для дыхания практически не годилась, а материал кевлара не защищал от попадания лазерных разрядов или очереди, выпущенной из «карташа», [З - «Карташ» – сленговое название импульсного пулемета системы Карташова, сокращенно – «ИПК».] выбор экипировки казался весьма сомнительным.

«Может, он нищий? – промелькнула у Дитриха не лишняя оснований мысль. – Но почему Митрофан не выдал ему нормальную экипировку хотя бы в долг, для выполнения столь опасного и ответственного задания?»

Сталкер тем временем и вовсе остановился, присел, что-то рассматривая на земле. Похоже, две решетчатые конструкции, вздымавшиеся на десятиметровую высоту, в данный момент его совершенно не интересовали, хотя сплетенные из металлорастений башни, смахивающие на древние телевышки, торчали тут не просто так. Дитрих внимательно отсканировал их, но ничего похожего на лазерные турели, импульсные орудия или генераторы СВЧ-импульса, создающие

при выстреле пятна неравновесной плазмы, не заметил.

«Может, наблюдательные посты?» – подумал он. Легче от предположения не стало – чем бы на поверку ни оказались два ажурных конических сооружения, их лучше обойти стороной на почтительном расстоянии, а не останавливаться у подножия, разглядывая мерзлую землю.

«Себя угробит и нас подставит», – неприязненно подумал Дитрих о сталкере.

На всякий случай он подал условный знак сопровождавшим его бойцам. Те прекрасно поняли жест командира, заняли позиции, один достал из подсумка плазменную гранату, второй активировал армган.[4 - Армган – сленговое название лазерного излучателя.]

«Ну не тупи, решай уже что-нибудь!» – мысленно подстегнул Дитрих сталкера, но тот не воспринимал ментальных позывов, сидел себе на корточках, по-прежнему разглядывая мерзлую землю. Вчера была оттепель, и, видимо, там пропечатались чьи-то следы, скованные с наступлением ночи легким заморозком.

...Аскет действительно рассматривал четкие следы, отпечатавшиеся в грязи. Глина, смешанная с пеплом, отлично сохранила отпечатки обуви, здесь накануне топтались как минимум пять человек. Если читать оставленные на земле знаки, то получалось, что три человека оставались на позиции, а двое ходили к выстроенным техносом наблюдательным вышкам.

Сталкер не торопился делать выводы. Вполне обоснованное недоумение легкой тенью промелькнуло по его худому лицу. Отпечатки обуви были одного размера, похожие, как близнецы-братья. Протектор не изношенный, пропечатан четко, в замерзшей грязи видны даже выполненные при литье подошв клейма заводоизготовителей, вернее, одного и того же завода.

Обувь армейского образца, произведенная в Евросоюзе...

Конечно, учитывая, что в Пятизоне попадали товары со всего мира, предполагать можно всякое. Мало ли удобной прочной обуви армейского образца выложено на прилавках Обочины, в Выгребной Слободе? Там, при наличии средств, даже скафандр высшей защиты купить не проблема.

И все же странно... От меланхолии Аскета не осталось и следа. Он неуловимо преобразился, будто зверь, почуявший запах добычи. Сильно исхудавшее лицо стало чуть более подвижным, словно внутри сталкера очнулась его истинная, глубоко скрываемая сущность, не принимавшая участия в рутине повседневного выживания.

В эти мгновения он сам стал похож на исчадие техноса. Так ведут себя сталтехи, пораженные проказой Зоны, но еще не до конца утратившие человеческую личность.

В глазах Аскета тусклое безразличие к окружающему на несколько секунд сменилось яростным, лихорадочным блеском, затем взгляд сталкера стал глубок, спокоен и трезв. Еще раз проследив за цепочками следов, он выпрямился и, осторожно ступая, направился к основанию одной из ажурных построек.

– Ну, точно, больной!.. – в бессильной ярости прошипел Дитрих.

Лишиться проводника, когда впереди по маршруту еще как минимум четыре или пять крупных городищ скоргов, было бы досадно. Аскет хоть и «сам в себе», но Митрофан настойчиво рекомендовал его, как сталкера от бога: мол, и опасность чует за километр, и случись что – дерется, как сталтех, и ловушки распознает загодя, зря никогда не рискует, по Пустоши бродит, как по дому родному, а однажды, тому свидетели есть, попал в засаду, десять фанатиков Пламенного Креста окружили его в здании, так всех положил, сам невредимым вышел, да еще двух бродяг выручил, что ученого с Большой Земли подрядились сопровождать...

Сейчас, глядя, как безрассудно Аскет приближается к строению техноса, Дитрих был склонен признать, что хитрый, изворотливый торговец его обманул.

«Подсунул юродивого, небылиц всяких наплел...» – с досадой подумал егерь, ожидая быстрого и драматичного финала безумной вылазки. Ни один сталкер, находясь в здравом уме, не полезет к строению техноса. Любому новичку, пробывшему в Пятизоне хотя бы несколько дней, известно, что упорядоченные в «архитектуру» заросли металлорастений кишат агрессивными колониями эволюционировавших скоргов. Даже ученые и сопровождающие их спецгруппы не рисковали так близко подходить к сформированным в постройки зарослям автонов. В лучшем случае, для сбора образцов они посылали одноразовые зонды,

закованные в активный пластик – единственную существующую на сегодняшний день защиту от вездесущих металлических микроорганизмов, которых еще именуют «проказой Зоны».

Аскет тем временем оказался у подножия одной из опор постройки техноса.

Отпечатки армейских ботинок привели его к небольшой выемке.

Невидимый со стороны, в ней лежал цилиндр сантиметров двадцати в длину. Облитый черным активным пластиком прибор молчал, хотя его предназначение стало для Аскета очевидным с первого взгляда.

Цепочка следов поворачивала и уходила прочь.

Сталкер выпрямился, стряхнул с бронежилета нескольких вскарабкавшихся по ноге скоргов и, игнорируя полученное от торговца задание, повернул в ту же сторону, куда уводили следы.

* * *

Дитрих, наблюдавший из укрытия за действиями проводника, не знал, что и думать.

Вместо того чтобы идти наикратчайшим путем, двигаясь мимо городища Припять в сторону Выгребной Слободы, сталкер внезапно изменил маршрут.

– Он повернул в сторону Когорода, – сверившись с электронной картой, сухо прокомментировал один из боевиков Ковчега.

– Вижу... – с досадой отозвался командир группы. – Есть мнения, почему он так поступил? – Нарушая традицию, Дитрих решил выслушать подчиненных.

– Для бешеной собаки семь верст – не крюк... – сплюнув из-под маски, произнес Клаус – метаморф группы. – Может, дела у него в Когороде?

– Или вообще передумал в Слободу идти? – предположил Зигмунд – бионик.

Дитрих призадумался. Доля истины в высказываниях Клауса и Зигмунда была. И что теперь предпринять? Вернуться к Митрофану, порвать его на куски? А толку? Не выполнив задание, в бункеры Ковчега лучше не возвращаться. Хистер не примет оправданий. Либо ты пришел победителем, либо – добро пожаловать в ряды второсортного быдла. Был ты, Дитрих, командиром боевой группы, а теперь станешь подтирать кровь в подземных лабораториях да ждать своего часа на экспериментальную имплантацию, призванную исправить «ошибки природы».

Нет, такой вариант его абсолютно не устраивал. Лучше тогда уж к вольным сталкерам податься.

Минута внутренней борьбы отразилась на лице командира боевой группы гримасой злобы и отчаяния, но фильтрующая маска защитного шлема скрыла от подчиненных его мимику.

– Так. Двигаемся следом, – принял решение Дитрих. – Соблюдаем дистанцию, Клаус, поддерживаешь маскировку. Пара часов в запасе у нас есть. Если сталкер обходит опасный участок, то он снова вернется на маршрут при первой возможности. Если нет, придется нагнать его и заставить двигаться в нужном для нас направлении.

Пустошь. Окрестности трущоб...

Тяжелая бронированная дверь, покрытая слоем активного пластика, на секунду замерла, прежде чем начать обратное движение, и в этот миг из полумглы, окутавшей здание трущоб, появились две фигуры, облаченные в боевую экипировку Ордена.

Что-то почуяв, торговец невольно обернулся и вздрогнул всем телом при виде негаданных визитеров.

– Митрофанушка, дверь-то придержи, – раздался глухой басовитый голос, воспроизведенный аудиосистемой тяжелого боевого шлема.

Узловики – так среди сталкеров называли бойцов Ордена, попусту никогда не шатались. Раз пришли, значит, есть дело, а отказывать им в гостеприимстве – себе дороже. За ними мощь огромной группировки – нагрубишь, раздавят, но, справедливости ради, стоило отметить, что зря адепты Ордена обитателей Пятизонья не тревожили, – если сравнивать их с боевиками Ковчега, узловики в большинстве ситуаций вели себя сдержанно, не то что отморозки Хистера.

Митрофан занервничал, но, одолев растущий с каждой секундой страх, все же выполнил приказ-просьбу, коснулся сенсора, оставляя бронированную преграду в открытом положении.

Двое бойцов Ордена едва поместились в переходном тамбуре. Их броня весила по центнеру на брата, да и вооружены они были основательно. Два «карташа», два армгана, мономолекулярные ножи в пластиковых ножнах, в подсумках – плазменные гранаты, контейнеры для н-капсул, колбы с «фричем», да еще энергетические плети, рукоятки которых виднелись в специальных фиксаторах, расположенных на внешней части брони предплечий.

В общем – полная боевая, по стандарту Ордена. Большинству вольных сталкеров о такой экипировке только мечталось в кошмарно-розовых снах.

Массивная дверь с гулом и вибрацией пришла в движение, запирая единственный незамурованный вход на нижние этажи обломка небоскреба.

Один из узловиков коснулся сенсора на запястье, и расположенные елочкой сегменты дополнительного бронирования шлема пришли в движение, смещаясь к затылку, следом за ними поднялось дымчатое проекционное забрало, открывая лицо.

– Апостол?! – Торговец отшатнулся бы, да помешала теснота помещения.

Адепт Ордена ободряюще подмигнул ему.

– Старые грехи вспомнил? Не дергайся, не затем пришли. Разговор есть серьезный. Ответишь на наши вопросы, будешь жить. Нам твоя душонка ни к чему. Кстати, это Саид. Да, да, тот самый, кого ты в Слободе подставил.

Митрофан нервно сглотнул.

– Ты чего на морозе топтался? – Апостол терпеливо ждал, пока откроется внутренняя дверь. Саид тем временем также разгерметизировал шлем, зловеще улыбнулся торговцу.

– Я это... того...

– Митрофанушка, мы только искренние ответы засчитываем. – Саид как бы невзначай коснулся рукояти ножа с мономолекулярным лезвием. – И времени у нас мало. Так что ты соберись, мычать потом будешь.

– Может, ко мне? – с трудом выдавил Митрофан. – Там и поговорим.

– Да как скажешь, – согласился Апостол. – Только головорезам своим шепни через мью-фон, чтобы сидели тихо и не дергались. А то ведь здание с виду хоть и прочное, но, сам знаешь, развалиться в любой момент может. – Он красноречиво указал взглядом на подсумок с плазменными гранатами.

– Да о чем ты?! – возмутился торговец, боком протискиваясь в открывшуюся лишь наполовину своего хода внутреннюю дверь.

Саид недобро прищурился. «Сердце зверя», имплантированное в предплечье сталкера, уже покалывало кожу, готовое подать энергию к боевым имплантам. Он не коснулся оружия, но был готов в любой момент достать торговца электрошоковым разрядом, если тот вдруг метнется по коридору, созывая охрану.

Митрофан не стал рисковать.

И без того жизнь висела на тоненьком волоске. Слишком многое изменилось за последнее время в Пятизоне. Неодолимая загадочная сила вторглась в аномальные пространства, ломая человеческие судьбы, как спички, и торговец не избежал общей участи.

– Сюда проходите. – Он указал на широкую лестницу, обрамленную украшенными лепниной перилами. Она поднималась на высоту второго этажа,

затем закручивалась вдоль стен обширного холла. Установленный в центре массивный столб, к которому крепились прозрачные шахты пяти неработающих скоростных лифтов, терялся в сумраке скупого освещения.

– Красивые небоскребы в Москве строили, – не удержался от замечания Апостол.

Саид лишь молча кивнул, фиксируя, как по периметру повторяющихся на уровне каждого этажа овальных внутренних балконов появились отслеженные его имплантами фигуры вооруженных сталкеров. Некоторое время потоптавшись в нерешительности подле иссеченных пулями перил, они поодиночке вновь исчезли в сумраке.

Апостол не оговорился, упомянув Москву. Фрагмент небоскреба, внутри которого они сейчас находились, был принесен сюда прихотью первой пульсации, когда между пятью отчужденными пространствами перемещались миллионы тонн вещества.

Свое название – трущобы – фрагмент столичного здания заработал позже, когда в нем обосновались сталкеры.

Пустошь всегда считалась регионом небезопасным. За четыре с лишним года существования Пятизонья тут не возникло сильной, доминирующей группировки, и потому на лишенных жизни просторах, среди огнедышащих трещиноватых холмов и конических сопок, извергающих тучи праха, в ложбинах и оврагах, где круглый год царил пепельный туман, постоянно происходили стычки между различными мелкими группами вольных старателей. Сюда, как на свалку, стекались ренегаты и отступники, в Пустошь бежали сталкеры, имплантированные в Ковчеге либо в Ордене, но по различным причинам не принявшие идеологии наиболее сильных группировок Пятизонья. Кроме прочего, еще с первых дней Катастрофы, давшей начало отчужденным пространствам, в Пустоши был традиционно силен технос. Именно здесь, среди множества энергетических аномалий, которые служили источниками бесперебойного питания для сотен механоидов и полчищ скоргов, механическая жизнь процветала особенно буйно.

Не всякий сталкер способен выжить в Пустоши. Здесь, на территории зоны отчуждения, возникшей еще в прошлом веке вокруг закрытой вследствие аварии Чернобыльской АЭС, за десятилетия запустения зараженных радиацией

территорий большинство зданий превратилось в руины, а новые города не выросли, так что Катастрофа 2051 года лишь изуродовала и без того пустынный ландшафт, оставив для людей ничтожно мало укрытий.

Зато на просторах Пустоши, богатой металлами, изобилующей источниками подземной тепловой энергии, очагами повышенной радиоактивности и возникшими после Катастрофы энергополями, буйно разрослись металлокустарники, здесь обитали, ведя борьбу за существование, сотни механоидов самых разнообразных видов и конструкций.

Чаще всего сталкеры приходили в Пустошь из других отчужденных пространств. В подавляющем большинстве это были одиночки – старатели, охотники за артефактами, сборщики н-капсул, зреющих в утолщениях ветвей автонов, либо просто – лихие люди, не брезгающие разбоем, грабежом и убийством.

– Я смотрю, ты все этажи под себя подмял? – заметил Саид, когда последний из головорезов Митрофана покинул самый верхний балкон.

– Так времена-то какие наступили! – посетовал торговец, отпирая еще одну массивную дверь. – Поодиночке уже не выжить. Это раньше в Пустоши вольготно было, каждый сам себе хозяин, куда хочу, туда и иду... – проворчал он. – А месяца четыре назад, после пульсации Узла, вдруг стали появляться эти жуткие постройки... – Митрофан жестом пригласил нежданных визитеров внутрь своих личных апартаментов. – Все караванные тропы теперь перекрыты, технос озверел, сталтехов развелось, что крыс на помойке... Недавно вон из соседнего городища механоиды пожаловали. Едва отбились всем миром.

– А ров вокруг здания зачем копать начали? – поинтересовался Апостол.

– Так говорю же – механоиды! Раньше как было? Каждое «изделие техноса» само по себе, – блеснул Митрофан знанием военной классификации механических обитателей Пятизонья. – Они же в основном друг с дружкой грызлись, территории делили, энергополя захватывали. А теперь? Как эти городища появились, так все – житья сталкерам не стало. Механоиды теперь стаями бродят, сотрудничать научились.

– Я слышал, что скорги и механоиды из разных городищ друг с другом воют, – заметил Саид, садясь в кресло, которое жалобно скрипнуло, едва не

развалившись под весом боевой брони сталкера.

– Ты бы лучше туда пересел, – Митрофан кивком указал на массивный, сваренный из металлического уголка табурет.

Саид холодно посмотрел на него, и торговец заткнулся.

– Так я про ров спрашивал, – напомнил Апостол.

– Ну да, копаем, – кивнул торговец. – Мне тут один химик из Ковчега формулу синтетического «фрича» продал, – признался он. – Конечно, субстанция не такая убойная, как та, что естественным путем образуется, да и для человека опасная, «перчатку» из нее не сделаешь, но металл разрушает славно. Вот и хочу ров этой дрянью наполнить. Хоть какая-то защита, а то в последний раз думал – все, смерть пришла. Прут механоиды, как танковые клинья...

Апостол тяжело сел на табурет, жестом оборвав жалобы торговца.

– Значит, так... – Он пристально и холодно посмотрел на него. – Обочину, надеюсь, помнишь?

Митрофан сипло вздохнул, кивнув. Райские, беззаботные были времена...

...Уже спустя год после образования Пятизонья на окраине Пустоши, у внутренней границы Барьера, в местечке Выгребная Слобода стихийно возник сталкерский рынок, получивший название «Обочина». Начинание торговцев и перекупщиков оказалось весьма удачным, рынок стремительно рос, обретая известность как в границах Пятизонья, так и во Внешнем Мире. Постепенно там сформировались свои неписанные правила, касающиеся безопасности. Торговцы, желая привлечь максимальное количество клиентов, объявили Выгребную Слободу демилитаризованной зоной. Проще говоря, на территории рынка были запрещены любые разборки. За порядком следили сами вольные сталкеры, заставляя каждого пришедшего сдавать оружие и глушить импланты специальными вставками.

В известном на все отчужденные пространства баре «Пикник» могли столкнуться нос к носу злейшие противники, но даже сильные мира сего

подчинялись на территории рынка общим правилам, не смея вцепиться один другому в глотку.

Митрофан когда-то тоже торговал на Обочине, но затем, после безрассудной попытки повернуть аферу с партией оружия, предназначенной для Ордена, был изгнан оттуда. Саид и Апостол, принимавшие непосредственное участие в тех событиях, убили бы торговца, но сделать это сразу помешали всё те же законы, запрещающие проливать кровь на территории рынка, а затем Митрофан как-то внезапно исчез из поля зрения узловиков, думали, что сгинул среди превратностей Пустоши, ан нет, живучим оказался...

Теперь Митрофан отчаянно жалел о совершенной по жадности ошибке.

Чтобы стать вольным сталкером и выжить в отчужденных пространствах, у него явно не хватало личных качеств, но вернуться во Внешний Мир он уже не мог: начиная бизнес в Пятизонье, ему пришлось согласиться на имплантацию. Без главного метаболического импланта человек в отчужденных пространствах либо погибал, либо превращался в сталтеха, тут уж, как говорится, без вариантов. Однако имплантация – это билет в один конец. Многие сталкеры верят, что импланты, вживленные хирургическим путем, можно впоследствии удалить таким же радикальным вмешательством, но, как показала практика, – это не так. Во-первых, любой имплант состоит из стабилизированных от спорадического размножения и сконфигурированных в полезные для человека устройства колоний скоргов, а им, кроме той энергии, что микрочастицы получают в симбиозе со своим «носителем», необходим еще один вид постоянной подпитки – энергия аномальных пространств, проникающая в наш мир из таинственного Узла. Этот вид энергии, пока что неуловимый для имеющихся в распоряжении ученых приборов, пронизывает все отчужденные территории и постепенно затухает, рассеивается на удалении в несколько километров от внешних границ Барьеров. Таким образом, получается, что сталкер, отважившийся покинуть Пятизонье и безрассудно рискнувший вернуться во Внешний Мир, становится носителем мертвой колонии скоргов – инородного тела, зачастую токсичного, внедрившегося во многие жизненно важные органы.

Казалось бы, вопрос все же можно решить оперативным хирургическим вмешательством, удалив омертвевшую колонию металлизированных микрочастиц, но и тут удручающая статистика показала, что отчужденные пространства не отпускают сталкеров – импланты (особенно при длительном

использовании) встраиваются в метаболизм человека, изменяют обмен веществ, и без их участия процессы жизнедеятельности становятся невозможными.

Так что выбора у Митрофана особо-то и не было. После изгнания из Выгребной Слободы он, собрав пожитки, откочевал ближе к тамбуру, расположенному неподалеку от порядком разрушенных временем и Катастрофой, но тем не менее сохранивших монументальность построек Чернобыльской АЭС.

Поначалу торговец нашел прибежище в трущобах. Некоторое время Митрофан бедствовал, уж не зная, выживет ли среди бродяг Пустоши, обосновавшихся в обломке здания, но жизнь есть жизнь – некоторые запасы, вывезенные из Выгребной Слободы, позволили ему открыть небольшую лавку, затем торговля понемногу пошла в гору – здесь, в самом сердце наиболее опасного из аномальных пространств, техноартефакты ценились дешевле, а предметы первой необходимости – дороже. К тому же неподалеку сходились ведущие к тамбуру караванные тропы, и вскоре торговец вновь встал на ноги, его бизнес окреп. Митрофан окружил себя темными личностями из числа опустившихся сталкеров и начал зарабатывать на разного рода сомнительных сделках.

Он поставлял оружие боевикам Пламенного Креста, снабжал продовольствием мелкие банды, промышлявшие на караванных тропах, а заодно постепенно, этаж за этажом, подминал под себя здание трущоб.

Так бы и процветал торговец, вновь нашедший свою нишу в экономической системе Пятизонья, не случись в Пустоши нашествия эволюционировавшего техноса...

– Обочину-то я помню, – тяжело вздохнул он. – Только что теперь старое вспоминать? Убивать меня пришли? Так я сам себя за жадность давно наказал...

– Не похоже. – Апостол обежал взглядом шикарную (по меркам Пятизонья) обстановку внушительных размеров помещения.

– Так потом и кровью, потом и кровью добыто...

– Чьей кровью? – недобро переспросил Саид.

– Ладно. Оставь его, – вмешался Апостол. – Слушай сюда, Митрофан. Мы сталкера одного ищем. Поможешь с ним встретиться, считай, что все прошлые инциденты забыты и у Ордена к тебе претензий нет.

Сердце торговца ёкнуло.

Иметь за спиной такого врага, как Орден, – никому не пожелаешь. Да он половину своих отморозков готов был сдать в этот миг со всеми потрохами, лишь бы обещание Апостола обернулось правдой.

– Кто конкретно интересуется? – не в силах скрыть подступившее к горлу волнение, хрипло спросил он.

– Имени или позывного мы не знаем, – огорчил его Саид. – Описание внешности тоже вряд ли поможет. Скорее всего, он сильно изменился с момента нашей последней встречи.

Митрофан сел на стул и вдруг принялся раскачиваться, монотонно барабанил пальцами по столу, что-то напряженно обдумывая.

– Ну, хоть какую-то зацепку дайте! Ведь не просто так ко мне явились?

Апостол кивнул.

– Слух прошел, что ты выступил посредником в крупной сделке между Ковчегом и техносиндикатом. Речь о поставке крупных партий оружия, верно?

– Ну, допустим, – без особого энтузиазма признал Митрофан.

– По нашим сведениям, всего ты взялся провести пять больших караванов от Слободы до тамбура. Но провел только два. Почему?

– Да технос треклятый! – Митрофан вновь разнервничался. Встав, он подошел к встроенному в стену шкафу, достал оттуда початую бутылку водки, три стопки, но, перехватив взгляд Саида, отрицательно покачавшего головой, с тяжелым вздохом поставил все обратно. – Раньше как было? – Торговец страдальчески покосился на бутылку. – Через заросли металлокустарников можно было

спокойно путешествовать. Никто и не узнает заранее, где караван пройдет. Нанимаешь мнемотехника, он берет под временный контроль ближайшего крупного механоида и попросту гонит его в нужном направлении, заставляя прокладывать широкую просеку. Я так десятки раз поступал! А теперь все засеками проклятых скоргов перегорожено, ни один механоид не проломит! И заросли автонов видоизменились, стали похожи на огромные металлические деревья, оплетенные нитями серебристой паутины. Да что я вам рассказываю, сами небось видели!

- Ты выпей, - разрешил Апостол. - Только не усердствуй.

Митрофан благодарно посмотрел на него, схватил вожака бутылку, вернулся к своему стулу, сел, приложился прямо к горлышку и, шумно выдохнув, продолжил:

- Оставалось еще несколько старых троп, вот по ним и пришлось груз переправлять. Первую партию доставил, а со второй проблема вышла - какая-то местечковая банда, совершенно озверев от лишений, решила напасть...

- Вот с этого места поподробнее. Ты сам сопровождал груз?

- Естественно. Разве кому доверишь?

- Ну и как выпутался?

- А сам до сих пор не знаю! - Митрофан икнул. - Зона помогла!

- Ты по существу давай. Не отклоняйся от мысли. О чудесах поговорим на досуге.

- Охрану они из засады положили. - От мрачных воспоминаний на лицо Митрофана набежала тень. Видно, психика торговца серьезно пошатнулась с той поры, как технос начал завоевание Пустоши, слишком быстро и сильно алкоголь ударил ему в голову. - Бежать мне было некуда. - Глаза Митрофана налились кровью, подбородок мелко задрожал. - Два армейских вездехода разве устоят под огнем десятка армганов? Помирать я тогда собрался, почуял, конец настал! - Митрофан вдруг подался вперед, грохнув кулаком по столу. - Но

обломались налетчики! Всех моих парней поджарило, – вдруг пьяно запричитал он, – лежат, горелым мясом воняют, с автонов на них уже серебристая дрянь капает, глядишь, вот-вот сталтехами вставать начнут, а у меня ноги отнялись, словно парализовало.

Апостол встал, зачерпнул кружкой воды из бака, плеснул Митрофану в лицо.

– Как выжил, спрашиваю! – неожиданно рявкнул он.

Митрофан осел.

Через минуту, придя в чувство после внезапно начавшейся истерики, он глухо заговорил, продолжая прерванный рассказ:

– Сталкер меня спас. Сначала, когда те, из засады, стали к тропе спускаться, первый из них вдруг словно споткнулся – башку ему снайперским выстрелом разнесло, остальные оцепенели, замешкались, так по ним тут же очередью из «карташа». – Торговец поежился. – Только ошметья кровавые по сторонам полетели. Из крупнокалиберного «ИПК» да в толпу... такое увидишь, потом неделю спать не будешь...

– Не отвлекайся! – буркнул Саид.

– Да я и говорю: только трое уцелели, бросились назад, в заросли, ну я над бортом приподнялся...

– Так у тебя же ноги отнялись? – напомнил Апостол.

– Прошло все! Клин клином вышибают! – выкрутился Митрофан. – Бежать не могу, а привстать – привстал. Гляжу: тень вдогонку метнулась. Не поймешь, человек ли? Худой, быстрый, на сталтеха похож, какие-то лохмотья на нем, а «ИПК» тяжеленный несет, будто игрушку, еще и ножом в другой руке поигрывает. В общем, жутко мне опять стало. Как тех троих он догнал, врать не стану – не видел. Минуты две прошло – возвращается.

– Опиши его. И подробнее! – потребовал Апостол.

– Худой. Экипировки нет совсем, даже дыхательной маски. Лицо осунувшееся, глаза ввалились, рукава одежды оторваны, кожа загорелая такая, только загар ненормальный, пепельного цвета.

– Ранения у него были? – уточнил Саид.

– В том бою его даже не поцарапало. А вот старые были, – закивал Митрофан. – Строчкой, через грудь, словно от очереди. Еще на бедре пара серебристых шрамов, да на лице пятно проказы по щеке, мимо глаза, к виску. Я, как такое увидел, совсем растерялся. Думаю – точно, сталтех. Сейчас меня добьет и пойдет дальше по своим делам.

– А он?

– Он дверцу вездехода открыл, сумрачно так на меня посмотрел, потом залез внутрь, «ИПК» между сиденьями положил, расслабился, как будто обмяк, словно пружина у него внутри ослабла, а затем глухо говорит: «Поехали, отец, место плохое».

– Что дальше было?

– Станный он. За всю дорогу только пару фраз проронил, и то как в забытьи. Сказал: «Есть хочу. Желудок сводит». Ну, у меня тут же от сердца отлегло, думаю, раз про еду заговорил, значит, точно не сталтех. Сюда мы без происшествий добрались, я его на радостях накормил, комнату дал, так он пару суток провалялся, просыпался только, чтобы поесть. Потом ничего, оклемался немного.

– Как его местные встретили?

Митрофан махнул рукой.

– Бычьё. Конечно, с расспросами полезли, а он молчит себе. Вообще неразговорчивый. Из него слово только клещами вытянешь. А у нас нелюдимых не любят. Ну, сами посудите, кто разберет, что у него на уме? Только Аскету на мнение других наплевать. На третий день, как только отоспался, вышел в общий зал, сидел, никого не цеплял, да сталкеры сами к нему полезли, вот он пару

морд и своротил. Тоже – молча. С тех пор к нему вообще никто без дела не подходит.

– Аскет, значит?.. – Апостол глубоко задумался. – А что между собой сталкеры говорят?

– Да разное, – ответил Митрофан. – Никто ведь не знает, откуда он вообще в Пустоши появился. Есть тут у меня один мнемотехник недоделанный, так он утверждает, будто бы главный метаболический имплант Аскета работает в форсированном режиме, оттого тот и худющий, как призрак, сколько его ни корми.

– А каких-то клейм, татуировок никто не замечал? – спросил Саид.

– Я видел, – кивнул торговец. – Относительно татуировок врать не стану, а вот на поверхности его имплантов клейма Ордена стоят. Это точно.

Саид с Апостолом переглянулись.

– Где он сейчас?

Митрофан ждал и боялся прозвучавшего вопроса.

– Ну, Аскет – он вообще странный. Когда захочет, уходит, когда в голову взбредет, возвращается.

– Зачем уходит? Куда?

– Ходит за артефактами. А вот куда, не знаю. Он одиночка. Напарников с собой никогда не берет, хотя некоторые сталкеры набивались к нему в компаньоны, возвращается всегда с добычей, но на любые вопросы отвечает односложно или вообще отмалчивается.

Апостол кивнул.

– Митрофан, а теперь подумай и скажи: куда ушел Аскет. Я тебя предупредил, засчитываются только честные ответы.

Торговец вновь заерзал на стуле. Он уже понял, что Аскет именно тот сталкер, которого ищут адепты Ордена. Он им нужен. Причем живым. Но как им сообщить, что несколько часов назад послал Аскета практически на верную гибель, да еще вслед ему отправил троих боевиков Ковчега?

- Ну?! - Апостол был неумолим.

- Он пошел к Выгребной Слободе.

- Зачем?

- Ищет безопасную тропу. Мне еще три каравана нужно до тамбура провести!

- Ясно. - Апостол встал. - Еще что-то можешь добавить? - угрожающе спросил он.

Митрофан сжался.

- За ним трое боевиков Ковчега идут по следу. Тропу помечают.

Саид вдруг хищно оскалился.

- Это уже их проблемы, - произнес он, герметизируя шлем.

- А я? - Митрофан инстинктивно вскочил.

- Сиди уж, как сидел, водку хлебай. - Тяжелая рука Апостола легла ему на плечо. - С егерями мы сами разберемся. Если правду сказал, всё старое забудем.

- А если он того... Погибнет вдруг?! Он же совсем безбашенный! Сам идти вызвался! Между городищами решил пробраться!

- Его уже технос однажды пытался убить, - неожиданно произнес Апостол, убирая руку с плеча торговца и герметизируя шлем. - Не вышло, - глухо прозвучал его голос, воспроизведенный через аудиосистему. - Ты, главное, пасть на замок закрой и не вздумай сболтнуть кому-то о нашем разговоре.

– Постой, Апостол, а караваны?! – вдруг опомнился Митрофан.

– Вот тут уж сам выкручивайся, как хочешь, – обернувшись уже на пороге, ответил сталкер. – Аскет к тебе не вернется, факт.

Дверь за адептом Ордена закрылась, оставив Митрофана в глухом, отчаянном облегчении, один на один с початой бутылкой водки и вернувшимися проблемами.

Глава 2

Внешний Мир

Свет в помещении не горел.

Ранние сумерки ноябрьского вечера рассеивало свечение нескольких голографических экранов, куда выводились данные со спутников частной орбитальной группировки, принадлежащей корпорации «Блаккет», основным видом деятельности которой являлось проведение геологоразведочных изысканий, поиск и оценка месторождений различных полезных ископаемых.

В комнате находились три человека.

Владелец «Блаккета», Дункан Миллер, тучноватый, лысый мужчина, одетый в домашний халат, расхаживал из угла в угол с полупустым бокалом в руке. Он явно нервничал, не в силах скрыть своего состояния.

Два его гостя сидели в мягких креслах подле камина. Один в военной форме, второй в безукоризненном деловом костюме.

– И все же, господа, мне не верится, что русские решились на подобный шаг!.. – продолжая прерванный разговор, произнес адмирал Ричард Хейнц. Он небрежно положил на стол выполненную на пластбумаге копию какого-то пожелтевшего

от времени документа. – В результате Катастрофы пострадали три российских мегаполиса, в том числе Москва и Санкт-Петербург! Нет, я отказываюсь понимать логику таких испытаний!..

– А тут нет никакой логики, адмирал, – лениво отозвался молодой человек, сидящий напротив. – Говоря «русские», мы с господином Миллером подразумевали не современную Россию, а Советский Союз образца эпохи холодной войны. Согласитесь, идеи мирового господства тогда в буквальном смысле витали в воздухе!

– Да, но как это соотносится с современным положением вещей?

– Вот для этого мы вас и пригласили. Чтобы вместе разобраться в происходящем.

– Вы мне не нравитесь, господин Урман! – Хейнц раздраженно стрельнул в него взглядом. – Грязные методы ведения бизнеса корпорацией «Техносистемз» известны!

– Не зарывайтесь, адмирал! – резко ответил Урман. – Век святой простоты давно завершился. И военным лучше других должно быть известно, как много крови и грязи в современном мире! Вы хотели намекнуть, что моя корпорация использует технологии, нелегально импортированные из Пятизонья? Да. – Он демонстративно развел руками. – Да! Мы изучаем, и не без успеха, техноартефакты, вывезенные из отчужденных пространств контрабандным путем. Благодаря нашей деятельности, армия уже получила ряд технологических новинок, переоценить которые невозможно!

– Допустим, – буркнул Хейнц, не собираясь отрицать очевидного.

– Исходным материалом для разработки новых бронепластиковых покрытий послужила одна из разновидностей аномальных субстанций, образующихся в Пятизонье, – язвительно напомнил Урман. – И это только один из примеров. Думаю, мы не настолько глупы и враждебно настроены друг к другу, чтобы мне понадобилось оглашать весь список перспективных разработок?

– Я не понимаю, к чему вы клоните? Говорите толком, что вы хотите получить от армии и флота?

– Всё по порядку, адмирал. В данный момент мы втроем представляем уникальный сплав знаний, технологий и силы. Не отрицаю, что каждый из присутствующих имеет свой взгляд на проблему Пятизонья и будет преследовать собственные цели, но, сотрудничая, мы способны горы свернуть!

Хейнц мрачно выслушал его.

– Миру угрожает опасность, и вы, адмирал, способны ее предотвратить! – неожиданно заявил Урман. – Нет, не нужно кривиться, возражать, лучше выслушайте меня! Вы ведь не станете отрицать, что Пятизонье – это источник постоянной глобальной угрозы для всего сущего на Земле?

Ричард потянулся к низкому столику, стоящему подле камина, между креслами, налил себе выпить.

– Продолжайте, – вместо прямого ответа на поставленный вопрос буркнул он. – Миллер, прекратите мельтешить за спиной!

Владелец корпорации «Блаккет» не нашел ничего лучшего, кроме как присесть на угол собственного рабочего стола. Край халата при этом распахнулся, обнажив толстую волосатую ногу.

Адмирал брезгливо отвернулся.

Урман задел его за живое. Грозит ли опасность цивилизованному миру? Да! Может быть, какое-то племя дикарей, кочующее по берегам Амазонки, и не испытывало страха перед грядущим, но большинство развитых мировых держав вот уже несколько лет балансирует на грани саморазрушения. Мир утратил стабильность. Ударная волна Катастрофы, грянувшей 13 сентября 2051 года, казалось, ежедневно огибает земной шар, сотрясая в конвульсиях экономику, политические системы, умы, наконец.

Если Хейнц что-то и преувеличивал в мыслях, то не намного.

Любой здравомыслящий человек на протяжении последних четырех лет вольно или невольно задавался вопросом: что будет дальше? Катастрофическое явление, исказившее гравитационное поле Земли, унесшее миллионы жизней,

превратившее в руины три крупнейших мегаполиса Евразии, до сих пор не находило разумного объяснения. Хейнц знал, что при формировании Барьеров, запечатавших пять территорий в коконе сферических гравитационных аномалий, были задействованы энергии звездного порядка, но что стало причиной Катастрофы, никто по-прежнему не знал. Мир жил в постоянном ожидании нового удара либо еще худшего, но часто предсказываемого события – внезапного исчезновения Барьеров. Жутко было даже подумать, что станет с Землей, если скорги и механоиды вдруг вырвутся из своих «резерваций».

Мысли о Пятизонье пробудили неприятные воспоминания.

Адмирал навсегда запомнил то сентябрьское утро. Его дом содрогнулся, вылетели стекла, он вскочил с постели с ощущением, что произошло нечто чудовищное, непоправимое, а через минуту ожил коммуникатор экстренной правительственной связи...

До сих пор Ричард не мог забыть гадливое чувство облегчения, когда он узнал, что Катастрофа произошла в России, а Старую Европу потряс лишь ее слабый отголосок... Но жизнь с тех пор изменилась, она разделилась на две половины – До и После...

– Давайте смотреть правде в глаза, адмирал, – вторгся в его мысли голос Урмана. – Я не склонен предлагать вам политические игры. С таким трудом созданный поколениями наших предков миропорядок и без того трещит по швам. Я лишь констатирую: началась новая война, запущен очередной виток гонки технологий и вооружений, в которой мы проигрываем!

– О какой гонке вооружений вы говорите?! – Адмирал поставил на столик пустой бокал. – Мы сотрудничаем с современной Россией...

– Оставьте! Не будьте ребенком! – Урман холодно посмотрел на него. – Если моя корпорация, не имея официального доступа в Пятизонье, используя лишь те крохи, что удастся получить по нелегальным каналам, уже дала армии новые типы брони и вооружений, то, по-вашему, русские, контролирующие часть аномальных территорий, не продвинулись за эти годы в аналогичных исследованиях? Считаете, что они не создали новые образцы технологий, в том числе и военных? Возьмите успехи «Техносистемз» и умножьте их на сто, адмирал! – гневно заявил Урман. – Это будет самая скромная оценка для новых

военных технологий, полученных Россией в результате исследований техноса Пятизонья!

На некоторое время в комнате воцарилось тягостное молчание.

– Количество техноартефактов все же ограничено, – наконец возразил адмирал Хейнц. – Думаю, что ваша корпорация имеет в своем распоряжении примерно те же образцы изделий техноса, что и научно-исследовательские институты Министерства обороны России. Не нужно сталкивать лбами...

Урман вновь не дал адмиралу завершить начатую фразу:

– Мы с Миллером пригласили вас, адмирал, надеясь на встречу с человеком здравомыслящим, обеспокоенным угрозой, исходящей из отчужденных пространств! Но вы упорно не желаете смотреть правде в глаза, демонстрируете нерешительность...

– Ладно, Урман. Я погорячился. – Хейнц мгновенно сообразил, что в данном случае повел себя неправильно. Разумнее выслушать Урмана и Миллера, а уже после делать выводы, давать оценки или принимать решения. – Чего вы хотите от меня?

– Поддержки, – скупое ответил Урман. – Вы, адмирал, являетесь одной из ключевых фигур в принятии военных и политических решений. Давайте говорить прямо, чтобы исключить двойные трактовки. Мы – я сейчас говорю от лица крупнейших европейских корпораций, – как и все нормальные люди, хотим стабильности. Пятизонье – язва на теле планеты, дымящийся вулкан, грозящий в любую секунду взорваться и смести цивилизацию!

– Хватит патетики. Давайте по существу! – прервал его адмирал.

– Хорошо. – Глава «Техносистемз» принял вызов. – Мир необратимо изменился в момент Катастрофы, давшей начало аномальным пространствам. Вот этот листок из архива Министерства обороны Советского Союза, – он постучал пальцем по качественно перенесенной на пластбумагу копии пожелтевшего документа, – способен пролить свет на причины сентябрьских взрывов, но речь сейчас не об этом. Тоннельная установка, гравитационные аномалии, таинственный Узел, расположенный в ином измерении, являющийся

генератором, поддерживающим Барьеры пяти отчужденных пространств, – все это если и найдет научное обоснование, то не при нашей жизни, адмирал. Четыре года достаточный срок, чтобы понять: исследование гипертоннелей, связующих отчужденные пространства, – удел будущих поколений, на нашем уровне знаний мы можем лишь строить смелые гипотезы. Как нам удалось убедиться, архивы Министерства обороны бывшего Советского Союза тщательно вычищены. Если и существовал экспериментальный образец установки, способной перемещать предметы через иное измерение, он уже отработал свое, дав толчок, приведя в движение силы, которыми никто не может управлять. – Урман сделал глоток воды, затем продолжил: – Если бы Катастрофа просто запечатала пять пространств, покорежив их ландшафт, мы бы относились к проблеме более спокойно. Мало ли на Земле мест, где до сих пор происходят непонятные науке явления? Но за Барьерами погибло все живое и неожиданно начал стремительно развиваться технос. Согласитесь, адмирал, колонии скоргов – это опасность, которую нельзя недооценивать! Микрочастицы, способные к самовоспроизводству, самоорганизации, подверженные мутациям, ведущие явную эволюционную борьбу, захватывающие любые носители и реконструирующие их, – это ли не источник угрозы, расположенный непосредственно у наших границ?!

– Не вижу, что мы можем предпринять, – буркнул адмирал.

– Только три из пяти зон отчуждения находятся на территории русских, – напомнил ему Урман. – Два аномальных пространства образовались в границах сопредельного с Россией государства, чье правительство наконец созрело, полностью осознав свое бессилие перед растущей угрозой. Оно готово обратиться к Европейскому Союзу за военной помощью.

– Мне ничего не известно о подобном обращении! – мгновенно напрягся Хейнц.

– Официально оно последует лишь завтра, – осведомил его глава «Техносистемз». – Поэтому мы и пригласили вас, адмирал. Нами проведена титаническая подготовительная работа, но ее завершающий этап будет зависеть от конкретного решения, принимать которое в том числе и вам. Речь идет о превентивном ударе по техносу, пока механоиды и скорги не вырвались из границ Пятизонья!

Последняя фраза Урмана произвела эффект разорвавшейся бомбы.

Хейнц едва поверил своим ушам. Превентивный удар по отчужденным территориям? Да эти двое с ума сошли!

- Вы предлагаете мне проголосовать «за»?! - возмущенно спросил он. - Одобрить ввод армии на территорию сопредельного с Россией государства? Вы хоть понимаете, что, приняв подобное решение, мы из сторонних наблюдателей превратимся в участников блокады, обострим свои отношения с нашими недавними противниками - русскими, возьмем на себя непосредственную ответственность за периметры двух зон отчуждения! - не выдержав, вспылил Хейнц. - Вы, наверное, рехнулись, Урман!

- Я подозревал, что вы попытаетесь спрятать голову в песок, - презрительно ответил глава «Техносистемз». - Куда проще оставаться в стороне! Как говорили наши далекие предки: «Приятно наблюдать за сражением на море, стоя на берегу», верно?

- Зря тратите время, - огрызнулся адмирал. - Не понимаю, чем вас не устраивает существующее положение вещей?!

- Скажем так - оно меня устраивало. До поры, - цинично признал Урман.

- Что же изменилось? Только не надо так на меня смотреть! Я не хуже вашего осведомлен, что происходит вокруг отчужденных пространств!

- Видимо, мышьяная возня на границах Барьеров поглотила все ваше внимание, адмирал, - усмехнулся Урман. - Но мысль понятна, я хорошо читаю между строк. Два пространства - Казантип в Крыму и Пустошь, заблокированы из рук вон плохо. Чем не точка проникновения в Пятизоне? Чего же еще желать ненасытным корпорациям? Я правильно излагаю ход ваших мыслей?

Хейнц угрюмо промолчал.

- Все далеко не так радужно. - Урман постепенно усиливал напор. - Кроме скверной, я бы даже сказал - дырявой, блокады внешних периметров Барьеров Казантипа и Пустоши, существует еще и внутренняя обстановка. Ее формируют силы, действующие в отчужденных пространствах. Полуостров Казантип контролируется Орденом Сталкеров. Это мощная, по меркам Пятизонья, военизированная группировка. Именно Орден, а не изоляционные силы, по-

настоящему владеет ситуацией, решая, кого допускать в отчужденное пространство, а кого нет. О Российских территориях речь сейчас вообще не идет, и что же мы имеем в сухом остатке?

– Пустошь, – нехотя ответил адмирал. – Насколько я знаю, ее пространство не контролируется никем, – добавил он.

– Ваши сведения устарели. – Урман сделал несколько переключений на миниатюрной сенсорной панели, стилизованной под старинный пульт дистанционного управления. – Пустошь теперь контролируется техносом.

Хейнц пренебрежительно скривился.

– Наша разведка работает не хуже корпоративных групп, – раздраженно произнес он. – Эти постройки, возникшие за последние месяцы, на самом деле не так и опасны. Шумиха, поднятая в прессе, – очередной поиск сенсаций, не более.

– Здесь я готов доказать обратное, адмирал. – Урман был настроен решительно. – Наш нервный молчаливый друг, – он кивнул в сторону Миллера, до сих пор не принимавшего активного участия в разговоре, – возглавляет корпорацию, известную своими геологическими изысканиями. Мы давно работаем в тесном сотрудничестве. «Техносистемз» в свое время разработала уникальное сканирующее оборудование, установленное на спутниках серии «Блаккет». Аппараты группировки расположены на высоких орбитах и потому не пострадали в момент Катастрофы пятьдесят первого. Они оснащены не имеющими аналогов сканерами, способными проникать излучением не только под полог облачной и дымопылевой завес, но и зондировать земную кору на глубину до одного километра...

Хейнц, неприятно удивленный словами Урмана, нахмурился. Его явно втягивали в непонятную игру, пытаясь использовать как пешку.

– Даже не стану обсуждать это, – раздраженно ответил он.

– Почему? – искренне удивился Урман, немного обескураженный реакцией адмирала на жест, приглашающий рассмотреть модель рельефа пустоши, сформированную в пространстве стереомониторов.

– Я не склонен тратить время на фальсификации. Сканеры и зонды, способные проникать сквозь дымопылевые облака, да еще исследовать глубинные структуры земной коры, – это область фантастики! Существой они на самом деле, то использовались бы в целях армейской разведки, а не в угоду бизнесу!

Об упрямстве Хейнца ходили легенды. И, тем не менее, его поддержка необходима. Без нее весь план рухнет, и миллионы, пущенные на подкуп чиновников, на искусственное нагнетание истерии вокруг Пустоши и возникших там построек техноса, на лоббирование необходимых решений в правительстве сопредельного с Россией государства, – все пропадет зря, мысленно рассуждал Урман. К его великому сожалению, Хейнец взяток не брал, иначе вопрос решился бы достаточно просто.

– Сожалею, что вынужден поколебать вашу уверенность, – произнес глава «Техносистемз». – В свое время я предлагал установить новейшие образцы сканеров на военные спутники, но получил вежливый отказ. Потепление отношений между Европой и Россией отбросило наши вооруженные силы далеко назад в плане прогрессивного технического оснащения, но теперь, надеюсь, время иллюзий прошло. Поймите, адмирал, бизнес не может стоять на месте. Я продал свою разработку корпорации «Блаккет». И теперь, понимая всю сложность сложившейся ситуации, убедил господина Миллера поделиться уникальными данными, полученными со спутников...

– То есть на протяжении последних лет корпорация «Блаккет», под прикрытием задач геологической разведки, занималась военным и промышленным шпионажем?! – взъярился адмирал.

Урман мысленно вздохнул.

Вот ведь упрямец. Но зато, перетянув Хейнца на свою сторону, можно будет не беспокоиться об исходе спланированной втайне операции. Этот носорог пробьет любую стену, нужно лишь придать ему правильное направление для приложения усилий.

– Промышленный и военный шпионаж – это два столпа современного информационного рынка! – резко ответил Урман, не обращая внимания на смертельную бледность, пятнами покрывшую лицо Миллера. – Адмирал, будьте же реалистом, наконец! Я подготовил подробный доклад, который завтра

попадет на стол к президенту Европейского Союза. Будет ли вам польза, если в докладе я отмечу, что предупреждал об угрозе, предлагал бесценные данные, но вы не пожелали даже взглянуть на них?

Удар, нанесенный ниже пояса, достиг цели.

Единственное, чем по-настоящему дорожил Хейнц, была его карьера.

– Ладно, показывайте, что там у вас, – подумав, согласился он.

– Прошу. – Урман указал на невысокий постамент, около четырех метров в диаметре, занимавший отдельное место в огромном кабинете Миллера. – Это последняя модификация голографического проектора. Разработана моей корпорацией. Здесь мы сможем в мельчайших подробностях рассмотреть не только саму Пустошь, но и все, что происходило в ее недрах на протяжении последних месяцев.

* * *

Поначалу объемная компьютерная модель рельефа отчужденного Барьером пространства не впечатлила адмирала. Он видел схожие голографические изображения десятки, если не сотни раз.

В центре аномальной территории, неподалеку от переживших Катастрофу пятьдесят первого построек печально известной Чернобыльской АЭС, вращался мутно-пепельный столб расширяющегося кверху вихря.

Вокруг, примерно в радиусе одного километра, вздыбленный тектоническими процессами ландшафт, похожий на декорацию к фантастическому фильму, был выделен фиолетовым фоном. Так называемая «зона тамбура», мысленно отметил адмирал. При перемещении через пространство таинственного Узла человек, механоид, скорг либо предмет, как правило, материализовались в границах отмеченной территории. Зная эту особенность, доминирующие группировки Пятизонья стремились удерживать зоны тамбуров под постоянным контролем.

При спорадических пульсациях Узла, являющихся сущим бичом для обитателей отчужденных пространств, картина получалась иной. Основная масса

захваченного при пульсации вещества рассеивалась по всем площадям ограниченных Барьерами территорий. Скорги, механоиды и сталкеры, не успевшие найти убежище или пропустившие скоротечные признаки приближающегося катаклизма, в результате спорадической пульсации либо навсегда исчезали из нашего мира, либо выбрасывались в произвольных точках отчужденных территорий, часто совмещаясь с постройками, деталями рельефа, зарослями металлорастений, что вело к гибели людей и разрушению механизмов. Только скорги – основа всего техноса, использовали пульсации как механизм миграции и несомненный мутагенный фактор. Перемещаясь вместе с тоннами вещества из одной зоны отчуждения в другую, они причудливо перемешивались, обмениваясь фрагментами колоний, образуя новые агломерации. Таким образом, каждая пульсация вела к некоторым изменениям ландшафта Пятизонья и к появлению неизвестных ранее колоний скоргов.

– Сейчас мы наблюдаем Пустошь в ретроспективе, – нарушил ход мыслей адмирала комментарий Урмана. – Построение динамической модели начинается в точке времени, предшествующей появлению первых построек техноса.

Компьютерный рельеф внезапно начал видоизменяться. На территории Пустоши четко обозначились так называемые «городища», возникшие в одно и то же время в разных точках отчужденного пространства. Постройки техноса, представляющие собой похожее на термитник центральное сооружение, окруженное двумя, а в некоторых случаях – тремя концентрическими окружностями стен, созданными из металлорастений, стремительно росли, захватывая все новые и новые территории.

– Как видите, адмирал, Пустошь преобразилась, она уже не та вольница сталкеров, какой являлась несколько месяцев назад. Постоянный спутниковый мониторинг выявил появление неподдающихся идентификации энергетических матриц. По нашим предположениям, они принадлежат новым типам механоидов. Посмотрите на распределение сигналов. Они концентрируются в городищах. А теперь попытайтесь ответить на вопрос: для чего под защитой построек техноса создаются и накапливаются армии эволюционировавших механизмов?

– Не знаю, – глухо ответил Хейнц, пораженный увиденным. – А что предполагаете вы?

– Мы не предполагаем, – зловеще усмехнулся Урман. – Миллер, покажите адмиралу подземную часть инфраструктуры, выстраиваемой техносом.

Дункан совершил несколько переключений, и компьютерная модель рельефа еще раз изменилась. Теперь на фоне городищ возникла разветвленная сеть подземных коммуникаций. Тоннели не соединяли между собой крупные постройки техноса, они брали свое начало под городищами и неумолимо тянулись к границам Барьера.

Хейнц невольно вздрогнул.

– Я не думаю, что...

– Не важно, что вы думаете о ситуации, адмирал. – Урман наклонился к нему. – Важно, что вы станете думать о себе, когда этот гнойник лопнет и к вам в дом заявится технос!

– Ну, хватит!

– Нет, не хватит! Сейчас в Пустоши стремительно формируется, развивается и увеличивается в числе армия исчадий хай-тека! Они работают, как проклятые, двадцать четыре часа в сутки! Эти тоннели ведут к Барьерам! Вы человек военный, так отвечайте – ЗАЧЕМ?!

Хейнц растерялся. Он был подавлен увиденным, а презрительный тон Урмана больно ударил по его самолюбию. Он должен либо признать себя глупцом, либо согласиться: с точки зрения человека военного, налицо все признаки подготовки прорыва через Барьер!

– Они готовятся нанести удар... – полуутвердительно произнес Хейнц. – Вырваться за пределы аномального пространства?!

– Ну, наконец-то! Как видите, адмирал, мы с господином Миллером хоть и являемся представителями презираемого вами бизнеса, но первыми бьем тревогу, делимся полученными данными, даже не заикаясь о дивидендах! Вы усмехнулись, когда услышали, что миру грозит опасность, так смотрите и анализируйте! Технос явно эволюционировал в Пустоши и теперь накапливает силы для удара. Механоидам и скоргам стало тесно в границах отчужденных пространств! Мы наблюдали за ситуацией, пока она не начала выходить за рамки разумного! Когда стало понятно, что технос готовит вторжение, мы

предоставили правительству сопредельного с Россией государства имеющиеся в нашем распоряжении данные. Они осознали степень угрозы и завтра обратятся к странам Евросоюза с просьбой о военном вмешательстве. Речь пойдет о превентивном бесконтактном ударе по этим постройкам техноса с последующей зачисткой территорий. Никаких блокад, никакой позиционной войны! Никакого международного сотрудничества, никаких прений – у нас есть только одна-единственная попытка нанесения внезапного сокрушительного удара!

– Да, но подготовка операции займет время и неизбежно станет достоянием разведки третьих стран! – вновь попытался протестовать Хейнц.

– Вся подготовительная работа уже проведена, адмирал. – Урман умело, фраза за фразой, подавлял волю адмирала, отрезая ему пути к отступлению. – Группы наемников на днях проникли в Пустошь, используя наши нелегальные каналы. Подле основных построек техноса установлены устройства для точного наведения. Они пока не активны. Флоту потребуется чуть больше суток, чтобы выйти на ударные позиции. Но для этого должно быть принято консолидированное решение!

Хейнц казался растерянным, раздавленным той информацией, что внезапно обрушилась на него.

Некоторое время он смотрел на объемную модель Пустоши, а затем негромко произнес:

– Я должен все обдумать.

– У вас осталось чуть больше восьми часов, – изрек Урман. – Думайте, адмирал. Ваш голос может стать решающим. Не каждому выпадает в жизни шанс спасти мир. Предотвратить нашествие техноса, показать, что наша армия – это не горстка игрушечных солдатиков, разве не достойная цель для мужчины?

Хейнц ничего не ответил.

* * *

Затребовав некоторые данные для дополнительного анализа и изучения, адмирал покинул особняк Миллера уже за полночь.

Урман, стоя у окна, проследил, как отъезжает машина Хейнца, затем налил себе выпить.

– Думаешь, он поверил? Поддержит решение об ударе? – нервно спросил Миллер.

– Дункан, адмирал честный человек, и это его уязвимое место. Он никогда не возьмет денег, откажется от взятки, но у него масса скрытых комплексов и нереализованных желаний.

– Каких, например?

– Сам подумай. Легко ли занимать должность адмирала, командовать современным флотом, осознавать его потенциальную мощь, не имея возможности «нажать на курок»? Разве я ошибусь, предположив, что втайне он мечтает хотя бы раз обрушить подчиненную ему титаническую силу на реального врага?

– Мне он не показался кровожадным.

– Это не кровожадность, Дункан. Инстинкт. Деформация образа мышления человека, который каждый день держит в руках оружие. Оно должно выстрелить, иначе чего будут стоять годы карабканья по служебной лестнице? Что такое карьера? Любовно погладить ультрасовременный артиллерийский или ракетный комплекс каждый из нас может на выставке вооружений. А вот привести его в действие, да еще понимая, что поступаешь правильно, справедливо, защищая мир, – это вершина. Вершина всего – карьеры, жизни, мужского честолюбия, наконец. Возьми адмиралов прошлых веков. Они сражались. А нынешние? – Урман усмехнулся. – Они похожи на псов, что хрипят и рвутся с поводка, на который их посадили политики, а укусить уже никого не могут. Поверь, Хейнец ушел, полный решимости. Я всего-то обрезал его поводок, дав понять, что в этот раз столь ненавистные ему политики отойдут в сторону, уступив наконец право действовать настоящим мужчинам. Он станет героем нации, а мы получим взломанную ракетно-бомбовыми ударами Пустошь, зачищенную от сталкеров и техноса, – жестко завершил свою мысль Урман.

Миллер продолжал нервничать и сомневаться. Ну что возьмешь с геолога? Да, он возглавляет огромный бизнес, но в душе остается прежним: далеким от интриг, слишком мягким, увлеченным научными идеями, страстным исследователем, зашедшим слишком далеко в своих открытиях.

Урман, чувствуя его настрой, произнес:

– Успокойся. Никто не подозревает об истинной цели зачистки. Мы показали адмиралу, как технос прокладывает подземные коммуникации, но ведь он и понятия не имеет, куда и зачем они ведут. Он слишком далек от темы научных открытий, ему невдомек, что на глубине расположены источники аномальной энергии. Ты ведь и сам не сразу разобрался, что происходит, когда спутники «Блаккета» зафиксировали неизвестный на Земле элемент, вкрапленный пульсациями в глубины планетной коры?

– Да, мне понадобилось время, чтобы сопоставить многие данные и прийти к известным тебе выводам. – Миллер был вынужден кивнуть. – Послушай, но я до сих пор не понимаю, зачем они роют тоннели? Понятно, что вкрапления нового элемента, обнаруженные со спутников, являются источником того самого аномального излучения, без которого невозможно существование скоргов и механоидов. Я долго изучал явления, происходящие в Пустоши. Почему бы скоргам не выстроить свои городища прямо в зоне энергетических аномалий?

– Понятия не имею. Возможно, их городища возникли не по заранее продуманному плану, – пожал плечами Урман. – Вот теперь и копают, собираясь либо добывать необходимый элемент, либо подключиться к залежам прямо под землей, напивая городища через проложенные по тоннелям энерговоды. Лично мне нет дела до способов энергообеспечения мутировавшей механической дряни. Главное, что они уже проложили коммуникации на требуемую глубину. Нашим людям останется лишь пройти по тоннелям и достать искомое.

– Ты обещал объяснить, зачем нужен источник энергии, которую мы и зафиксировать толком не можем?

– Не можем зафиксировать, но зато способны использовать.

– Как?

– Позже поймешь.

– Используешь меня, как и адмирала, вслепую?

Урман остановился подле объемного пространства голографической модели Пустоши.

– Хочешь начистоту? Впоследствии не пожалеешь?

– Я живу в этом мире. Не заметил? – позволил себе огрызнуться Миллер. – Ты используешь спутники «Блаккета», выжимаешь из меня всю возможную информацию, затем перетасовываешь факты, передергиваешь, как тебе заблагорассудится, заставляя меня кивать, подтверждая заведомо искаженные данные. Считаешь – нет поводов для беспокойства?

Урман некоторое время молча смотрел на компьютерную модель Пустоши.

Микромир, иная вселенная, ворота в другое измерение – как только не называли Пятизонье.

За годы, истекшие с момента Катастрофы, что-то прояснилось, а что-то стало еще сложнее и непонятнее.

Мир отчужденных пространств, населенных сталкерами и техносом, действительно завораживал. Основу всего сущего там составляли скорги – металлические микрочастицы, способные создавать сложнейшие структуры путем слияния в колонии. До последнего времени они преследовали простые и понятные цели: размножались, добывали металлы, захватывали и реконструировали брошенные механизмы или кибернетические модули, порождая бесконечное разнообразие форм примитивного техноса, жестко конкурируя друг с другом за право существовать, размножаться, питаться энергией, добывать ресурсы.

Урман не первый год пристально наблюдал за развитием техноса Пятизонья. Скорги продолжали эволюционировать, усложняясь с каждой пульсацией

таинственного Узла, приобретая новые качества, создавая невиданные техноартефакты, становясь все более опасными противниками. Настолько опасными, что степень исходящей от них угрозы предрекала скорый закат человеческой цивилизации...

- У всех нас есть повод беспокоиться, Дункан. Да, ты прав, мы не показали адмиралу всю схему подземных коммуникаций, не рассказали ему о новом, неизвестном науке химическом элементе, не акцентировали внимание на тоннелях, ведущих от городищ к руинам атомной станции. Но это сделано исключительно во благо. Не продемонстрировав понятной, близкой, уже дышащей в затылок угрозы, мы ни за что не привели бы в движение неповоротливый бюрократический механизм принятия решений.

- Ты уходишь от прямого ответа. Зачем тебе этот элемент?

- Для изучения. - Урман досадливо поморщился. - Если технос с таким упорством рвется к его залежам, значит, он необходим скоргам. Ты прав, у нас нет приборов, способных замерять параметры аномальной энергии, но есть сотни техноартефактов, требующих досконального исследования. Они мертвы, нефункциональны вне Пятизонья. Моя цель - заставить их работать.

- И ради нескольких килограммов неизвестного нам вещества ты заранее отдал в жертву сотни жизней?

- Это цена прогресса, - резко ответил Урман.

Окрестности Соснового Бора.

Руины жилых массивов на подступах к Барьеру...

На подходах к полуразрушенной станции метро дежурили военные.

Улицы патрулировали многочисленные мобильные группы, на перекрестке и в центре расчищенного от обломков пространства, перед вестибюлем метрополитена, застыли две боевые машины десанта.

Шелест хотел выглянуть в оконный проем, но Монгол не дал.

- Пригнись. Не мельтеши в окнах.

Шелест привалился спиной к стене, прижимая к груди небольшой кейс из черного пластика, который тащил с собой, приковав наручником к запястью.

- И зачем мы сюда полезли? - спросил он у проводников.

- Сиди тихо.

- Нет, пацаны, вы мне толком объясните...

- Да замолкни ты! Везде датчики! Видел БМД на перекрестке? Одна очередь импульсного орудия, и тебя потом из груды кирпича пинцетом по кусочкам доставать будут!

- Нормально. Утешил. - Олег и без пояснений чувствовал себя крайне неудобно. Позиция дрянная. Он старался держаться отчужденно, изображая из себя новичка, не показывая, что понимает в окружающем намного больше двух юных проводников. По крайней мере, со сканирующими комплексами, что установлены на боевых машинах десанта, Шелест был знаком не понаслышке. Дальность обнаружения по сфере, в автономном режиме, без поддержки спутников и мобильных станций электронной разведки - пять километров. Максимальная толщина препятствия, через которое берет проникающее излучение, равняется ста двадцати сантиметрам армированного бетона. Как их до сих пор не заметили - оставалось загадкой.

- Не дрейфь. - Монгол вел себя совершенно спокойно. Заметив смесь недоумения, подозрительности и беспокойства во взгляде Шелеста, широкоскулый проводник расстегнул один из подсумков экипировки и постучал ногтем указательного пальца по крышке небольшой черной коробочки.

- Что это? - не удержался от вопроса Олег.

- Карманный метаморф, - вместо Монгола ответил Славка.

– Никогда ни о чем подобном не слышал! – Шелест удивленно приподнял бровь.

– А ты что, специалист по техноартефактам? – в свою очередь насторожился Сухостой.

Олег пожал плечами. Проще промолчать, но Славка продолжал подозрительно на него коситься, и пришлось выкручиваться на ходу:

– О техноартефактах любой дурак сейчас знает. В каждом киоске найдешь с десяток иллюстрированных журналов по теме. Можно еще в сети информацию нарыть. Я ведь не на прогулку собирался.

– Оно и видно, что не на прогулку, – буркнул Монгол. Не нравился ему Шелест. Одно слово – мутный.

– Между прочим, я слышал, что техноартефакты вне Пятизонья не работают, – неожиданно развил тему Олег.

– Забудь все, о чем читал в своих журналах. – Сухостой чего-то ждал, не двигаясь с места. – Там брехня одна. На расстоянии в четыре-пять километров от Барьера изделия техноса функционируют как миленькие.

– А дальше?

– Дальше начинают сбоить, а затем и вовсе вырубаться. Как и импланты у сталкеров.

– А откуда вы этот... метаморф достали? Может, продадите? Мне в зоне пригодится!

– Обойдешься. Во-первых, у тебя столько денег нет, а во-вторых, это подарок. От самого Приора Глеба, слышал о таком?

– Слышал, – кивнул Шелест. – Он капитулом Ордена в Сосновом Бору командует. А что, Приор всем проводникам артефакты раздает?

– Ага, жди... – Славка что-то прикинул в уме, привстал, но спускаться в темноту лестничного марша отчего-то не решился. – Мы с Монголом сталкера одного спасли.

– Славка!.. – укоризненно прошипел Монгол.

– Да ладно. Все равно уже не тайна. Ты хоть знаешь, кто такие сталтехи? – Сухостой вопросительно взглянул на Олега.

– Да кто же про сталтехов не знает! – Шелест непринужденно кивнул. – Это люди, инфицированные скоргами. То есть колониями микромашин, – уточнил он. – Про то, как скорги захватывают носители и переделывают их на свой лад, будь то механизм или человек, каждый день по сферовизору показывают. Народ пугают.

– А ты, типа, не боишься? – ухмыльнулся Монгол.

– Чего бояться? Скоргам лазейка нужна, чтобы до потенциальной жертвы добраться. Зря я, что ли, столько денег за экипировку отдал? – Шелест любовно погладил черный, глянцевитый материал покрытия брони. – Как-никак, – активный пластик. Со встроенными микроэмиттерами ЭМИ-излучения.

Броня действительно была что надо. Тут даже Монгол промолчал. О такой защите только мечтать. И весит мало, и встроенные сервоусилители мускулатуры в наличии, и диким скоргам через нее проникнуть весьма проблематично. Каждые десять секунд микроразряды электромагнитного импульса зачищают поверхность экипировки от «безбилетных пассажиров», способных прогрызть обыкновенную броню и внедриться в тело.

– Ладно, хватит болтать. – Сухостой наконец уловил известный лишь ему признак, после появления которого можно было возобновить движение.

Шелест терпеливо ожидал дальнейшего развития событий.

В руины углового здания, выходящего одним фасадом на перекресток, они попали по старой, местами разрушенной ветке монорельса, проложенного на уровне пятнадцати метров от земли. Теперь, судя по всему, им предстоял спуск

по сумеречным лестничным маршам в подвал.

– За мной! – будто прочитав его мысли, командовал Сухостой, начиная спуск по уводящим вниз ступеням.

* * *

До мрачного подвала добрались без особых приключений. В нескольких местах над ступенями лестничных маршей проходили невидимые для человеческого глаза лучи сигнальных лазерных растяжек, на обшарпанных стенах подъезда через равные промежутки виднелись крохотные емкостные датчики и тепловые детекторы движения, но проводники, видимо, не в первый раз пользовались этим маршрутом. Перед каждым отрезком спуска Сухостой останавливался на лестничной площадке и распылял из баллончика какой-то спрей. Расползаясь вдоль ступеней, тот не блокировал работу лазеров, но делал видимыми их лучи.

Обнаруженные таким незамысловатым образом лазерные растяжки они просто перешагивали, от остальных систем обнаружения троих ходоков укрывал «карманный метаморф», угнездившийся в подсумке Монгола. Шелест поражался той смеси настороженности и беспечности, которую проявили юные проводники. Таскать при себе неизвестный научному миру техноартефакт, демонстрируя его первому встречному, равносильно самоубийству. Да что ученые? Большинство сталкеров, узнав о содержимом подсумка Монгола, не пожалели бы человеческих жизней за обладание уникальным устройством.

В подвале стояла промозглая сырость. «Если бы не системы климат-контроля, встроенные в дорогую экипировку, уже давно бы зуб на зуб не попадал», – подумал Сухостой, пробираясь между завалами рухнувших перекрытий по известной только ему и Монголу тропке.

Каждый раз примерно в одном и том же месте Славку вдруг начинало трясти, но не от холода или сырости, а от внезапного нервного перевозбуждения.

Это в первый раз сходить в Зону казалось плевым делом. Ну да, тяжело проходить пик повышенной гравитации Барьера, но все, казавшееся трудным и значимым в канун первой вылазки, померкло, обернулось сущим пустяком по сравнению с тем адом, что открывался перед человеком внутри периметра

отчужденных пространств.

Теперь Славка знал, куда идет, и от предвкушения близящегося свидания с Пятизоньем его начинало трясти.

Единственный способ хоть как-то отвлечься – говорить.

Сухостой остановился перед проломом в бетонной стене подвала, через который открывался доступ к одной из многочисленных тектонических трещин, возникших в первые дни катастрофического образования Пятизонья.

– Шелест?

– Ну? – отозвался Олег.

– Ты хоть понимаешь, куда идешь?

– В Сосновый Бор. Куда же еще? – Он вслед за проводником миновал пролом в стене подвала и с интересом осмотрелся.

Узкая, всего метра три в ширину, трещина тонула в багряных сумерках. Неровные, изломанные стены изобиловали вкраплениями: среди прослоек строительного мусора четко прослеживались пласты культурного слоя. Фрагментарные остатки старых зданий, истлевшие деревянные мостовые, сложенные из плит известняка фундаменты – взгляду открывался натуральный срез эпох, куда чудовищная сила Катастрофы вкрапила оплавленные предметы из пластика, композита, металлов.

Как попали они на такую глубину?

Олег поймал себя на мысли, что, глядя на стены узкого разлома, поневоле начнешь верить в существование таинственного Узла – материнской аномалии, для которой Пятизонье – всего лишь проекция, отражение, исказившее гравитационное поле Земли и вызвавшее такие явления, что не приснятся ни одному ученому, находящемуся в здоровом уме.

Говорят, что в момент образования Пятизонья земная кора вокруг эпицентров катастроф на несколько секунд стала мягкой, как нагретый пластилин. Целые здания «тонули», исчезая в недрах, миллионы предметов были перенесены за тысячи километров, внедрены один в другой, образуя фантазмагорические сочетания и формы.

Шелест коснулся рукой мягких, оплывших форм ближайшего выступа.

Трудно сказать, какой именно предмет был вкраплен сюда во время катастрофы. От него остались лишь бесформенное пятно почерневшего пластика да пара металлических включений в виде покрытых окалиной и уже побитых ржавчиной комьев.

Коммуникатор шлема щелкнул, переключаясь на чип мью-фона. Этот тип связи использовался только в аномальных пространствах.

Почти сразу вернулся затерявшийся в треске помех голос проводника:

– Не отставай.

– Иду. – Шелест ступил на неровную тропу. Внезапно наступившая тишина лишь усугубила неприятные, давящие на психику ощущения. Из глубин разлома сочился багряный свет, оттуда тянуло жаром, и Олег, поддавшись секундному замешательству, сам взялся поддержать диалог: – Так что ты там говорил об аномальных пространствах?

Ответ пришел не сразу. Сухостой уже успел пройти с десяток метров и теперь остановился в небольшом расширении, у первого поворота трещины, что-то высматривая впереди.

– Я говорил, что Пятизонье – смертельно опасно. И подумал, кто ты на самом деле, Шелест? Просто дурак или трепло? На дурака не похож, больно уж спокоен, – продолжал рассуждать Славка, возобновив движение. – Дело у тебя в Зоне, понятно. На туриста ты не смахиваешь. Торговцев питерских знаешь. На ствол и гранату вышел спокойно.

– Ну, и к чему ты клонишь?

– Придумай себе какую-нибудь легенду, чемоданчик свой спрячь, а то внимания много привлекаешь. Тебя первый же встреченный сталкер попытается прибить!

Олег призадумался.

– Слушай, Славка, давай я буду богатым туристом. Поверь, это не так уж и далеко от истины. – Шелест вышел в расширение трещины, увидел мятущиеся по стенам багряные отсветы, глянул под ноги и молча стиснул зубы: здесь пересекались два разлома, первый вел прямо, второй уходил в глубь земной коры, метров на сто, не меньше. Жар и зловещее зарево поднимались снизу. Олег наклонился, камеры защитного шлема взяли максимальное увеличение, и он отчетливо разглядел, как на дне расселины пузырится вязкая, тягучая, красновато-желтая магматическая масса.

– Ну, что встал? – недовольно буркнул Монгол, едва не ткнувшись в спину Шелесту. – Пошли, еще насмотришься, впереди целые озера этого добра будут.

– А почему не извергается? – спросил Олег, перешагивая расселину.

– Здесь – не знаю, – пожал плечами Монгол. – А дальше гравитация в границах Барьера начинает расти. Не вытолкнуться магме наружу. Дымит себе потихоньку.

– А скорги в пределах Барьера есть?

– Попадаются, – вновь непринужденно вступил в разговор Славка. – Только вялые они тут. Носители не захватывают, прорастают кое-где металлокустарниками, да и то чахлые, ломкие.

Шелеста заинтересовала тема, и он решил ее поддержать:

– Я слышал, что в Пустоши кроме металлокустарников еще какие-то новые формы автонов появились? – произнес он, перешагивая через дышащий жаром разлом.

– Сам не видел, врать не буду, – отозвался Сухостой. – Но от сталкеров слышал, что в Пустоши деревья высоченные металлические за последние месяцы

выросли...

- Деревья? - с сомнением переспросил Шелест.

- Ну, типа... - поправился Славка. - Похожи они на деревья. Только листьев нет. Металлические ветви корявые, все серебристой паутиной заплетены. А еще у техноса архитектура появилась. Это я от ученых слышал, водил тут месяц назад одну группу, так они все между собой болтали о каких-то городищах, что скорги начали строить. Я так понял - это укрепления какие-то.

- Послушай, Сухостой, а вот ты о сталтехах мне говорил. А сам-то ты их видел?

- Видел однажды. Даже вспоминать не хочется. Жуть...

- Ну, а если подробнее?

- Мертвые они. Техносом захваченные. Одно слово - нежить. - В голосе Сухостоя прорвались нотки мистического ужаса.

- То есть, если кого из сталкеров убили, его технос захватывает? - продолжал допытываться Олег.

- Ну, это как повезет. Смотря что за вживленные устройства у этого сталкера. Если главный метаболический имплант содержит сильную колонию скоргофагов, техносу такой сталкер уже не по зубам.

- Скоргофаги? А что это такое? - любопытно спросил Шелест.

- Решил все же под дурака закосить? - Славка обернулся.

- Правда не знаю! - развел руками Олег.

- Ладно. Слушай. Скоргофагов создали в Ордене. Кто именно, не в курсе и врать не буду. В общем, кому-то, спустя некоторое время после Катастрофы, удалось создать колонию скоргов, которая убивает «чужие» микрочастицы, защищая своего хозяина. Без скоргофагов сталкеры просто не выжили бы. Подумай сам: любое повреждение экипировки, нарушившее защиту, всегда ведет к

инфицированию. Дикие скорги в Пятизонье везде, они только и ждут случая, чтобы обзавестись носителем... – Славка вдруг примолк, видно, подумал о чем-то особенно страшном.

– И что, всегда помогают эти... скоргофаги? – не унимался Олег, которого действительно интересовал вопрос, связанный с защитой от микроскопических обитателей Пятизонья.

– Нет. Не всегда. Примерно пятьдесят на пятьдесят. Случайно инфицируются дикими скоргами многие сталкеры, но это не смертельно. Главное – быстро найти хорошего мнемотехника, он стабилизирует новую колонию, ограничит ее размножение, а если есть деньги, то еще и имплант какой-нибудь полезный из них сформирует.

– Да... – Шелест, двигавшийся вслед за Сухостоем, похвалил его: – Толковый ты парень. Интересно все объясняешь. Вот только непонятно, как в таком случае сталтехи появляются?

– Я точно не знаю... Слышал, что скоргам для размножения обязательно энергия нужна. Тут, как говорят, два варианта: существуют такие аномальные участки, где энергия Узла проникает в наше пространство. Их и называют энергополями. Многие сталкеры их используют, бойцы, к примеру, или бионики. Но каждое энергополе контролируют механоиды. Это для них как пастбища, понимаешь?

– Угу.

– Вариант первый, – продолжал пояснять Сухостой. – Если сталкера ранит или убьет неподалеку от энергетической аномалии, то дикие скорги быстро захватывают тело, реконструируют его, выращивают металлизированные мышцы, подсаживают «Сердце зверя», и, пожалуйста, – получайте сталтеха.

– Интересно... – Олега передернуло. – А второй вариант? Если энергополе далеко?

– Тогда скорги только раненых захватывают. Питаются какое-то время энергией человеческого организма, размножаются, но гораздо медленнее. Такого сталкера еще можно спасти. Вообще большинство сталтехов появилось сразу после Катастрофы. Можешь представить, сколько в руинах мегаполисов

оказалось погибших, заживо погребенных, раненых? Не сосчитать. Вот из них первые сталтехи и образовались. Тогда ведь мнемотехников еще не было, да и о скоргах никто толком ничего не знал. – Голос Сухостоя звучал глухо, видно, думать о мертвых, превращенных скоргами в исчадия техноса, ему было страшно. – Таких сталтехов обычно «старыми» называют. Жуткие твари. А еще очень много людей в машинах сгорело. От них началась ветвь гибридов – механоидов, внутри которых находится сталтех. Говорят, что они и раньше-то были особо сообразительны и опасны, а теперь вроде как резко эволюционировали. И людей ненавидят.

– Прямо так и ненавидят? – засомневался Шелест.

– А скоро сам узнаешь, – зловеще усмехнулся Сухостой. – Обычным механоидам на людей наплевать, – после небольшой паузы пояснил он. – Если ты на их территорию не лезешь или стрельбу не открываешь, в большинстве случаев они тебя не тронут. Им своих забот хватает. Друг с другом грызутся, источники энергии ищут, металлокустарники перерабатывают, чтобы себе какое-нибудь новое полезное приспособление вырастить. Как говорил один сталкер из Ордена – создания техноса рациональны, для них человек так же неинтересен, как нам неинтересен камень, валяющийся не под ногами, а подле дороги.

Шелест призадумался.

Трещина постепенно начала расширяться, по бокам появились узкие расселины ответвлений. Воздух уже не годился для дыхания, он стал мутным от ядовитых испарений, сочащихся из недр земной коры, и ходки загерметизировали шлемы.

– Не пойму, – Олег решил продолжить разговор, – а как же рассказы о постоянных стычках между механоидами и сталкерами?

Славке было лестно чувствовать себя знатоком аномальных пространств, и он отвечал охотно:

– Ну, в большинстве случаев сталкеры сами нападают на технос. Ну подумай, откуда техноартефакты берутся? «Сердце зверя», к примеру, или мью-фон на дороге не валяются, их из подбитых механоидов добывают. Потом еще егеря Ковчега – боевики группировки Хистера, те вообще войну против техноса ведут

на полное уничтожение. Так что «примитивам» несладко приходится. Они бы не трогали людей, да со временем у них инстинкт выработался. Сталкеры для них – опасность. Враги.

– А гибриды? – напомнил Олег.

– Гибриды всегда на сталкеров нападали. Без видимой причины. Мне воин из Ордена рассказывал. Говорил, что в них осталось что-то от людей, заживо в машинах сгоревших. Не знаю, может, он что и придумал.

Идти стало тяжелее.

– Гравитация начинает расти, – произнес молчавший до сих пор Монгол. – Пора бы сервоусилители включать. А то еле тащимся.

Сухостой не стал возражать. Сила тяжести действительно уже выросла на треть. Они вошли в границы Барьера, и теперь экономить энергию встроенных в экипировку аккумуляторов не имело смысла.

Шелест постепенно втянулся в напряженный ритм ходьбы. Разговаривать уже не хотелось, все силы уходили на поддержание равновесия. Пару раз он демонстративно споткнулся, давая понять, что контроль работы сервоусилителей для него в новинку. Поверили проводники или нет, особого значения не имело. Если их начнут расспрашивать, пацаны обязательно вспомнят его неуклюжие движения и дадут им соответствующую оценку. Вместе с кучей наивных вопросов, заданных Олегом, это произведет достаточное впечатление, чтобы на него махнули рукой, решив, что в Пятизоне пробрался очередной богатый экстремал.

Глава 3

Пустошь. Район населенного пункта Когород

Следы, четко отпечатавшиеся в глинистой почве, вели в сторону Барьера.

По пути в поле зрения Аскета попало еще несколько построек техноса, и он задержался, исследуя их окрестности.

Отыскать однотипные цилиндрические устройства, являвшиеся маяками для наведения высокоточных типов боеприпасов, не составило для сталкера особого труда. Они даже не были замаскированы. Тот, кто устанавливал маяки, справедливо полагал, что к подножию построек техноса не рискнет приблизиться ни один из вольных старателей, промысляющих на просторах Пустоши, а от воздействия скоргов устройства, используемые при нанесении ракетно-бомбовых ударов так называемой «бесконтактной войны», были надежно защищены ультрасовременным пластиковым покрытием.

Глядя на очередной, уже пятый по счету цилиндр, внутри которого электронный таймер неслышно отсчитывал время, оставшееся до момента активации, Аскет испытывал сложные чувства.

Со стороны его действия выглядели странными. Он то устремлялся по следам, шагая с угрюмой целеустремленностью, машинально обходя ловушки, закрываясь вуалью искажений реальности при появлении механоидов, то надолго останавливался, впадая в апатичное состояние, словно у него внезапно заканчивались силы.

На самом деле в душе и рассудке сталкера шла отчаянная внутренняя борьба.

За несколько месяцев, которые он прожил, как зверь, исключительно на рефлексах и инстинктах, память о прошлом, оказывается, никуда не исчезла. Подсознание, хранящее истинную сущность Аскета, лишь ждало удобного момента, чтобы, получив толчок внешнего раздражителя, отыскав лазейку в глухой схеме выстроенной сталкером самозащиты, болезненно напомнить о себе.

Это должно было случиться, раньше или позже.

– Задолбал уже... – невнятно выругался Дитрих, наблюдая, как сталкер в очередной раз остановился, присев на корточки под сенью огромного металлического дерева. Ствол мощного металлорастения покрывала легкая, почти невесомая паутина серебристых нитей. Невиданные в других регионах Пятизонья, мелкие, похожие на металлических насекомых скорги сновали по

ветвям, обволакивая их тончайшим плетением ртутно поблескивающего кружева, кое-где воздух змеился мутным маревом ядовитых испарений, а внизу, там, где ствол металлорастения уходил в почву, пузырилось несколько зеленоватых лужиц «фрича».

Места совершенно дикие.

Куда ни плюнь – попадешь в скорга или в техноартефакт.

Егерь чувствовал себя не просто неуютно – его состояние было близко к панике. Подчиненные тоже нервничали, но пока помалкивали, не желая нарываться на грубость. Каждый сам боролся с ужасом, который невольно внушали эти дикие места, – Дитрих готов был поклясться чем угодно, что тут уже несколько месяцев не ступала нога человека.

На фоне неисчислимых опасностей, исходящих от механоидов, скоргов, металлорастений, различного рода ловушек и аномальных физических явлений, поведение Аскета выглядело абсолютно необъяснимым, даже безумным.

Анализ данных со сканеров показывал, что поблизости от металлического дерева проходит граница энергетического поля. Саму энергию приборы зафиксировать не могли, но контур аномального участка местности легко определялся по небывалой плотности микроскопических исчадий техноса, да и видимые невооруженным глазом сполохи мертвенного зеленоватого сияния, порождающие искажение реальности, проигнорировать было попросту невозможно, однако Аскет как будто не замечал происходящее вокруг, сидел себе, о чем-то глубоко задумавшись, периодически обмакивая указательный палец правой руки в лужицу «фрича», глядя, как вязкая субстанция ползет по коже, обволакивая кисть, формируя «перчатку».

Снующие поблизости от него скорги сторонились пузырящихся лужиц, а сталкер, будто издеваясь над долготерпением Дитриха, безрассудно охотился на них, быстрыми движениями прикасаясь к пробегающим мимо микроскопическим созданиям эволюционировавшего техноса, и те, замороженные «фричем», беспомощно замирали...

Аскет пока не подозревал, что за ним из укрытия следят трое боевиков Ковчега.

Набрав полтора десятка обездвиженных скоргов, он ссыпал их в специальный контейнер, закрепленный на поясе, и, небрежно стряхнув с руки аномальную субстанцию, встал.

Очередная волна искажений в этот миг прошла совсем близко, зацепив некоторые ветви металлического дерева, пробежав по ним мелкой рябью деформаций, стряхнув на землю шелестящий дождь из превратившихся в бесформенные комки металла механоидов...

Аскет, выйдя из состояния глубокой задумчивости, резко повернул голову.

«Ну наконец-то... Давай, убирайся отсюда!» – мысленно подстегнул его Дитрих.

Как будто вняв паническому состоянию егеря, сталкер, отыскав взглядом только ему известные ориентиры, развернулся и энергично зашагал в сторону Когорода.

* * *

Населенный пункт, к которому Аскет вышел спустя четверть часа, значился лишь на старых картах. На самом деле от него осталось лишь несколько полуподвальных помещений, переоборудованных бродягами Пустоши под временное пристанище.

Местность вокруг выглядела пустынной. Постройки техноса исчезли в дымке вездесущего марева, лишь кое-где серебрились обычные, не внушающие панического трепета заросли металлокустарников.

Фрагмент старой потрескавшейся асфальтированной дороги привел Аскета и следовавших за ним боевиков Ковчега к невысоким пригоркам, выступающим всего на метр над поверхностью земли.

Между ними виселись уже тронутые ржавчиной корпуса подбитых и наполовину разобранных механоидов, валялись фрагменты потрескавшейся от воздействия «фрича» серебристой обшивки, на полотнище плотной, как брезент, ткани были небрежно свалены в кучу демонтированные с различных техномонстров системы вооружений.

Двое сталкеров сидели у разведенного в углублении костерка, еще один сортировал оружие, вынимая из общей груды предметов и откладывая в сторону годные для ремонта и последующей продажи армганы.

Особое внимание привлекал к себе четвертый из находящихся в лагере вольных старателей. Высокий, худой, длиннорукий, как-то непропорционально сложенный, он двигался мелкими приставными шагами, боком подкрадываясь к раптору – небольшому механоиду семейства примитивов. В одной руке сталкер держал энергетическую плеть, в другой был зажат кодировщик – широко распространенный среди мнемотехников прибор, способный своим излучением воздействовать на колонии скоргов.

Аскет остановился, кивком поздоровался с бродягами и замер, с интересом наблюдая за смертельно опасным танцем сталкера и механоида.

– Тварь безмозглая... – бормотал мнемотехник, не глядя, на ощупь касаясь сенсоров на миниатюрной панели прибора. Механоид, реагируя на волны кодирующего излучения, двигался рывками, вспарывая широкими ребристыми колесами тонкий слой промерзшей за ночь почвы. Комья грязи летели во все стороны, гул электроприводов то затихал, то вновь усиливался. Раптор явно пытался вырваться из-под воздействия сталкера, то сдавая назад, то устремляясь вперед, постоянно следя за своим мучителем, рывками доворачивая в его сторону оружейную надстройку, но мнемотехник был упрям и бесстрашен – он держал наготове энергетическую плеть, постоянно смещаясь вбок, не давая механоиду прицелиться.

Наконец примитивное создание техноса не выдержало: оставив попытки навести на человека оружие, механоид вдруг с места рванулся вперед, норовя раздавить мнемотехника.

Отскочить тот явно не успевал, последовал резкий взмах рукой, и из рукоятки плети вырвалась похожая на веревку энергетическая нить, хлестнувшая по корпусу раптора.

Щедро во все стороны сыпанули искры, механоида внезапно занесло, что-то надрывно заскрежетало внутри, и он, пропахав глубокую борозду в мерзлой почве, опрокинулся на бок, налетев на вросший в пригорок ржавый остов своего менее удачливого собрата.

Мнемотехник, весь обляпанный грязью, чудом избежавший гибели, дезактивировал плеть и, ругаясь, начал отряхиваться.

«Ну и развлечения у них... – с содроганием подумал Дитрих. – Отморозки, один другого хлеще...»

– Привет, Корень! – Аскет подошел к мнемотехнику, протянул руку. – Все механоидов мучаешь?

– Здорово, Аскет. – Корень пожал руку сталкера. – Да, вот, кодировщик что-то глючит, – пожаловался он. – Никак разобраться не могу, уже третьего раптора угробил. Не хотят, чугузки проклятые, подчиняться.

– Упражняешься или задумал что? – поинтересовался Аскет, заметивший, что неподалеку припарковано несколько достаточно странных конструкций, собранных из деталей механоидов и гибких побегов металлокустарников.

– Да вот с мужиками хотим делянку возделать. Типа, автоны выращивать редких видов.

– А рапторы тут при чем? – удивился Аскет.

– Так кто ж за металлорастениями ухаживать будет? – Корень рассмеялся. – Я, что ли? Вот и дрессирую помаленьку.

– Понятно. – Сталкер кивнул. – А я тебе новую головоломку притащил. – Он отцепил от пояса контейнер, открыл его, показав Корню мелких механоидов, наловленных подле металлического дерева.

– Ну, Аскет, ты даешь! – Корень с немым благоговением уставился на представителей эволюционировавшего техноса. – Ты что, серьезно мне их принес?!

– Тебе. Ты же вроде мнемотехник, вот и разбирайся.

– Нет, погоди, ты хоть представляешь, сколько за одного такого скорга на Обочине дадут?

– Надо будет, еще наловлю, – пожал плечами Аскет.

Корень не нашелся, что ответить.

– Ну, раз так, возьму, конечно. Может, тебе надо чего? Патронов, жратвы?

– Перекусить не откажусь. Да и поговорить хотелось бы. Наедине.

– Во, славно, я тоже с утра голодный, запарился с этим уродом. – Корень покосился в сторону опрокинувшегося набок раптора. – Придется нового ловить, – тяжело вздохнув, посетовал он. – Ладно, пошли в землянку, там и потолкуем.

* * *

Терпение Дитриха все же лопнуло.

«Сколько можно волочиться по Пустоши за сумасшедшим сталкером? Нет, хватит, пора брать ситуацию под контроль. Так мы до Выгребной Слободы никогда не доберемся».

– Клаус, маскировку! – приказал он метаморфу группы. – Зигмунд, снимаешь сталкера, что возится с запчастями. Я разберусь с теми двоими, у костерка.

Дитрих подстегнул не только наступивший цейтнот. Времени с самого начала было в обрез, но егерь все тянул, до последней минуты надеясь, что сталкер вернется на тропу, ведущую к Выгребной Слободе. Однако, понаблюдав за Аскетом, он понял, что логики в его действиях – ноль. Да и к заданию, полученному от Митрофана, тот отнесся как к чему-то необязательному.

Надо было брать его раньше.

Дитрих ни за что не желал признаться себе, что в глубине души побаивается Аскета. Нападать на него среди неузнаваемо изменившихся, кишящих новыми типами скоргов пространств он так и не решился. Зато сейчас, оказавшись в знакомой обстановке, почувствовал себя уверенно.

Пятизонье сильно меняет человека. Изменения физические зачастую видны невооруженным глазом, а вот деформации образа мышления скрыты. Жестокая реальность постоянно давит прессом неисчислимых опасностей, неумолимо искажая душу и разум, подменяя одни моральные ценности другими. Попадая в отчужденные пространства, любой из начинающих сталкеров становится перед выбором: принять ли мотивацию поступков, навязанных Пятизоньем, или же воспротивиться ей в отчаянной попытке остаться самим собой?

Почти все, кто пытался сопротивляться, безнадежно проигрывали в самом начале.

Здесь человеческая жизнь – ничто. Любая «цивилизованность» облетает как шелуха, зачастую действия новоиспеченных сталкеров наглядно демонстрируют, что титул «Homo Sapiens» звучит слишком фальшиво. Когда спадают оковы цивилизации, снимаются все запреты и условности, исчезает страх перед законами, а окружающий мир постоянно предлагает удобные оправдания для любых поступков, немногие выдерживают это страшное испытание.

Дитрих, продвигаясь от укрытия к укрытию, не задумывался, зачем ему убивать сталкеров, греющихся у костерка. Для егеря, впитавшего истеричную идеологию Ковчеха, они являлись легкоустранимой помехой. Он был сильнее, находился в более выгодной позиции, так зачем рисковать, выходя на открытое место, пытаясь договориться, а затем встречаться лицом к лицу с Аскетом, объясняясь на равных? Проще убить их, затем ворваться в полуподвал, застать Аскета врасплох, силой оружия убедить его вернуться на тропу и выполнить задание, полученное от торговца.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

«Перекасти-зона» – видоизменившийся в условиях аномальных пространств робот-охранник.

2

Тамбур – на жаргоне сталкеров – аномальное пространство, из которого возможен переход в другой регион Пятизонья.

3

«Карташ» – сленговое название импульсного пулемета системы Карташова, сокращенно – «ИПК».

4

Армган – сленговое название лазерного излучателя.

Купить: https://tellnovel.com/ru/livadnyy_andrey/chernaya-pustosh

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)